ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson

ОПАСНОЕ ЛЕТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Опасное лето
Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Опасное лето
Глава первая. О маленьком кораблике и огнедышащей горе
Глава вторая. О том, как добывали завтрак из-под воды
Глава третья. О доме с привидениями
Глава четвёртая. О тщеславии и о том, как опасно спать на деревьях
Глава пятая. Что бывает, если свистеть в театре
Глава шестая. О том, как отомстили сторожу в парке
Глава седьмая. Об опасностях, подстерегающих в ночь летнего солнцестояния
Глава восьмая. О том, как писали пьесу
Глава девятая. О несчастном отце
Глава десятая. О генеральных репетициях
Глава одиннадцатая. О том, как обманули надзирателя
Глава двенадцатая. О драматичной премьере
Глава тринадцатая. О наказании и вознаграждении

Аннотация

Лето выдалось тревожным — наводнение пришло в долину и затопило дом муми-троллей. Семья отправилась искать новое жильё. На их удачу, волнами к берегу прибило вполне подходящий дом, который, правда, вёл себя немного странно. У него была крыша, похожая на створку раковины, и вращающийся пол, а если дёрнуть за шнурок — с потолка упадёт картина. Или польёт дождь. Или зажгутся сотни разноцветных огней. Едва семейство немного прибралось и село пить чай, как из тёмного угла появился один из прежних обитателей и заявил, что весь дом — театр. Тогда почему бы муми-троллям не стать актёрами? И Муми-папа берётся за постановку пьесы собственного сочинения!

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения.

А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
Опасное лето

Tove Jansson
FARLIG MIDSOMMAR
Copyright © Tove Jansson 1954 Moomin Characters ™
All rights reserved

Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янссон*
Перевод со шведского *Марии Людковской* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*
Стихи в переводе *Евгении Канищевой*

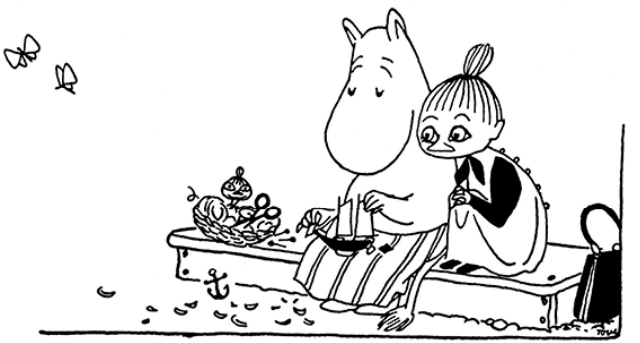
© М. Людковская, перевод, 2018
© Е. Канищева, стихотворный перевод, 2018
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Вивике

СЗ
СВ
З
В
ЮЗ
ЮВ
Ю
Еловый шалаш
Тюрьма
Колодец
Домик Филифьонки
Домик хрюшечной хемпихи
Луга
Стоянка Снусмумрика
ПРОКАТ ЛОДОК
Здесь они сели на мель
Малышка Мю в корзинке с шитьём
Карта Еловой бухты
Рябина, на которой они спали
Здесь они пришвартовались
Tove

Глава первая
О маленьком кораблике и огнедышащей горе



Муми-мама сидела на крыльце, залитом солнцем, и снаряжала в плаванье кораблик из сосновой коры.

— Если я ничего не путаю, — рассуждала она, — у галеаса должно быть два больших паруса сзади и несколько маленьких треугольных впереди, над бушпритом.

Труднее всего ей дался руль, зато мастерить

трюм было одно удовольствие! Муми-мама выстрогала из коры крошечную крышку люка, и крышка подошла точь-в-точь, так что тонкие края плотно сомкнулись с палубой.

— Мало ли, вдруг шторм, — сказала Муми-мама себе под нос и счастливо вздохнула.

Рядом сидела дочь Мюмлы и, подтянув колени к подбородку, смотрела, как Муми-мама закрепляет штаги — цепляет их булавками с разноцветными стеклянными головками. Верхушки мачт Муми-мама украсила алыми вымпелами.

— Кому ты его подаришь? — с замиранием сердца спросила дочь Мюмлы.

— Муми-троллю, — ответила Муми-мама, ища в корзинке для шитья подходящий якорный конец.

— Не толкайся! — пропищал из корзинки тоненький голосок.

— Дорогая, — сказала Муми-мама Мюмлиной дочери, — твоя сестрица опять залезла в мою корзинку. Как бы она не поранилась булавками.

— Мю! — грозно прикрикнула дочь Мюмлы, пытаясь выковырнуть сестру из клубка пряжи. — Вылезай немедленно!

Но Мю только глубже зарылась в клубок.

— Надо же ей было уродиться такой малют-

кой, — пожаловалась дочь Мюмлы. — Вечно я её ищу. Может, вырежешь и для неё кораблик? Я посажу её в бочку с дождевой водой — пусть плавает. А мне не придётся всякий раз за ней бегать.

Муми-мама рассмеялась и достала из сумки обломок коры.

— Думаешь, такой кусочек её выдержит? — спросила она.

— Выдержит, — сказала дочь Мюмлы. — Только на всякий случай сделай ей, пожалуйста, маленький спасательный пояс.

— Можно я искромсаю твой клубок на мелкие кусочки? — крикнула малышка Мю из корзинки.

— Конечно, — разрешила Муми-мама.

Она любовалась галеасом и думала, не забыла ли чего. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел большой клочок сажи и чёрным пятном накрыл палубу.

— Фу, какая гадость, — сказала Муми-мама и сдула его. Но на нос ей тут же опустился новый клочок, такой же чёрный, как и первый. В воздухе их было полным-полно.

Муми-мама вздохнула и встала.

— Как мне надоела эта огнедышащая гора! — сказала она.

— Огнедышащая гора? — заинтересовалась

малышка Мю и высунула мордочку из корзинки.

— Да, у нас тут одна гора неподалёку извергает пламя, — объяснила Муми-мама. — И сажу. Все эти годы, с тех пор, как я вышла замуж, она вела себя вполне пристойно, а теперь вот расчихалась, причём как раз когда я вывесила бельё на просушку. Всё мне перепачкала…

— Ура, будет пожар! — радостно заверещала малышка Мю. — Всё сгорит дотла! Все дома, сады, игрушки, младшие братья и сёстры и их игрушки тоже!

— Глупости, — добродушно сказала Муми-мама, смахнув сажу с носа.

И пошла искать Муми-тролля.

* * *

В низинке, справа от дерева, где висел гамак Муми-папы, было озерцо, наполненное прозрачной коричневатой водой. Дочь Мюмлы любила повторять, что в середине оно — бездонное. Возможно, так оно и было. У берегов росли цветы с широкими блестящими листьями, на которых отдыхали стрекозы и водяные пауки, под водой с важным видом скользили длинноногие насекомые. Ещё глубже поблёскивали золотом глаза лягушки, а в иле порой мелькали её загадочные

сородичи, проживающие на самом дне.

Муми-тролль лежал на своём любимом ме-

сте (точнее, на одном из своих любимых мест), свернувшись калачиком в жёлто-зелёном мху, аккуратно подобрав хвост.

Серьёзный и счастливый, он смотрел в воду и слушал шелест крыльев и сонное жужжание пчёл.

«Этот кораблик — мне, — думал он. — Наверняка мне. Мама всегда дарит свой первый летний кораблик тому, кого она любит больше всех. А потом старается чем-нибудь отвлечь остальных, чтобы никто не расстраивался. Если этот водяной паук побежит на восток, шлюпки на кораблике не будет. Если на запад — значит, мама сделала шлюпку, да такую маленькую, что её и в лапы взять боязно».

Паук медленно пополз на восток, и на глаза Муми-тролля навернулись слёзы.

Вдруг трава зашуршала, и между метёлками выглянула Муми-мама.

— Привет, — сказала она. — У меня для тебя кое-что есть.

Муми-мама осторожно спустила галеас на воду. Он красиво покачался над своим отражением и поплыл — так уверенно, будто всегда только это и делал.

Муми-тролль сразу заметил, что мама забыла

шлюпку.

Он нежно потёрся носом о мамину мордочку (шёрстка у муми-троллей мягкая, как белый бархат) и сказал:

— Из всех твоих корабликов этот — самый красивый!

Они сидели рядом на мшистом берегу и смотрели на галеас. Тот пересёк озерцо и ткнулся в листок.

Где-то рядом с домом дочь Мюмлы звала свою сестру.

— Мю! Мю! — кричала она. — Несносное дитя! Мю-у-у! Только вернись домой, я тебя за волосы оттаскаю!

— Опять спряталась, — сказал Муми-тролль. — Помнишь, как мы нашли её в твоей сумке?

Муми-мама кивнула. Она сидела, склонившись над водным зеркалом, и разглядывала дно.

— Там что-то светится, — проговорила она.

— Это твой золотой браслет, — сказал Муми-тролль. — А рядом тот, который носит на щиколотке Снорочка. Правда, неплохая идея?

— Просто отличная! — обрадовалась Муми-мама. — Теперь всегда будем хранить драгоценности в коричневой озёрной воде. Так они выглядят куда красивее.

На крыльце Муми-дома стояла дочь Мюмлы и вопила во всё горло. Она знала, что малышка Мю сидит в одном из своих многочисленных укромных местечек и хихикает, слушая, как надрывается сестра.

«Взяла бы лучше и подманила меня мёдом, — думала Мю. — А потом отшлёпала».

— Послушай, мюмла, — сказал Муми-папа, не вставая с кресла-качалки. — Если ты будешь так орать, она никогда не выйдет.

— Я ору для очистки собственной совести, — важно объяснила дочь Мюмлы. — Уезжая, мама сказала: «Оставляю Мю на тебя. Если ты не сможешь её воспитать, то и никто не сможет — сама-то я сдалась сразу, как только она появилась на свет».

— А, понятно, — сказал Муми-папа. — Тогда, конечно, кричи, если тебе так легче. — Он взял со стола кусочек пирога, опасливо огляделся по сторонам и макнул его в кувшинчик со сливками.

Завтрак был накрыт на пятерых, шестая тарелка стояла под столом: дочь Мюмлы утверждала, что там она чувствует себя более независимо.

Тарелочка Мю — разумеется, совсем маленькая — скрывалась в тени вазы с цветами посередине стола.

Муми-мама галопом неслась к дому по садовой дорожке.

— Не волнуйся, дорогая, — сказал Муми-папа. — Мы поели в кладовке.

Мама, запыхавшись, влетела на веранду и остановилась, глядя на стол. Скатерть была чёрная от сажи.

— Ох, ну надо же, — сказала она. — До чего жарко. И сколько сажи! Просто беда с этой огнедышащей горой.

— Будь она поближе, я бы хоть добыл себе пресс-папье из настоящей лавы, — мечтательно проговорил папа.

* * *

Было и вправду очень жарко.

Муми-тролль по-прежнему лежал у озерца и глядел на совершенно белое, похожее на серебряный диск небо. Он слышал, как где-то у моря перекрикиваются птицы.

«Пахнет грозой», — сонно подумал Муми-тролль и выбрался из мха. И как всегда, когда менялась погода, когда смеркалось или всё вдруг озарялось странным светом, он с грустью вспомнил о Снусмумрике.

Снусмумрик был его лучшим другом. Конечно, Снорочку Муми-тролль тоже очень любил, но дружить с девочкой — это всё-таки не совсем то же самое.

Снусмумрик был спокойный, и очень много знал, и никогда не болтал об этом без надобности. О своих путешествиях он рассказывал лишь изредка и так, что ты чувствовал гордость, будто тебя приняли в некий тайный союз. Когда выпадал первый снег, Муми-тролль и остальные обитатели Муми-дома ложились спать и спали всю зиму напролёт. Снусмумрик же уходил на юг и возвращался в долину только весной.

Этой весной он не вернулся.

Муми-тролль начал ждать его, едва очнувшись от зимней спячки, хотя никому ничего не говорил. К тому времени, когда над долиной потянулись косяки птиц и снег растаял даже с северной стороны деревьев и гор, Муми-тролль от нетерпения уже не находил себе места. Снусмумрик ещё никогда так не задерживался. Пришло лето, и местечко у реки, где Снусмумрик обычно ставил палатку, заросло и зазеленело, словно там никто никогда и не жил.

Муми-тролль всё ждал, но уже не так отчаянно, а скорее обиженно и немного устало.

Однажды за ужином Снорочка завела об этом разговор.

— Что-то Снусмумрика долго нет, — сказала она.

— Может, он и вовсе не придёт, — заметила дочь Мюмлы.

— Да его, наверное, Морра сожрала! — завопила малышка Мю. — Или он в пропасть свалился и расшибся в лепёшку!

— Тише, тише, — быстро сказала Муми-мама. — Снусмумрик не пропадёт.

Муми-тролль медленно шёл вдоль реки и думал: «А вдруг? Ведь чего только нет на свете: и морры, и полицейские. И бездонные пропасти. Можно замёрзнуть насмерть, взлететь на воздух, упасть в воду, поперхнуться и много чего ещё. Большой мир опасен. Ты там чужой, и никто не знает, что ты любишь и чего боишься. И вот где-то там бредёт себе Снусмумрик в своей старой зелёной шляпе… Где-то там подкарауливает его сторож парка, его самый заклятый враг. Опасный враг…»

Муми-тролль остановился у моста и мрачно уставился на воду. Как вдруг чья-то лапа легонько коснулась его плеча. Муми-тролль подпрыгнул и обернулся.

— А-а, это ты…

— Мне так грустно, — сказала Снорочка, с мольбой глядя на него из-под чёлки.

На голове у неё красовался венок из фиалок. Она скучала с самого утра.

Муми-тролль добродушно и немного рассеянно хмыкнул.

— Может, поиграем? — предложила Снорочка. — Давай играть, будто я — дивная красавица и ты меня похищаешь.

— Прости, мне что-то не хочется, — ответил Муми-тролль.

У Снорочки печально поникли уши, и Муми-тролль потёрся мордой о её мордочку и сказал:

— К тому же ты и так дивная красавица, безо всякой игры. Давай я похищу тебя завтра?

* * *

Июньский день пролетел, начало смеркаться.

Но жара не спадала.

В сухом обжигающем воздухе кружились чёрные хлопья. Обитатели Муми-дома приуныли и притихли, разговаривать никому не хотелось. В конце концов Муми-мама решила уложить всех в саду. Она постелила постели в самых уютных уголках сада и каждому в изголовье поставила

небольшую лампу, чтобы никто не чувствовал себя одиноко.

Муми-тролль и Снорочка свернулись калачиком под кустами жасмина. Но уснуть они не могли.

Ночь была необычная — какая-то пугающе тихая.

— Мне так жарко, — жалобно сказала Снорочка. — Я всё верчусь, верчусь, и простыня совсем скомкалась. Скоро мне в голову полезут печальные мысли!

— И со мной то же самое, — отозвался Муми-тролль.

Он сел и поглядел на сад. Все спали, тихо горели лампы.

Вдруг ветки жасмина затряслись.

— Ты видел? — спросила Снорочка.

— Вроде прекратилось, — сказал Муми-тролль.

Но тут опрокинулась лампа.

Цветы дрогнули, и по земле поползла тонкая трещина. Она ползла, ползла, пока не нырнула под матрас. Потом её края стали расходиться. Вниз посыпались земля и песок, и следом в земное чрево скользнула зубная щётка Муми-тролля.

— Она была совсем новая! — воскликнул Муми-тролль. — Ты её видишь?

Он подполз к трещине и заглянул внутрь.

Но трещина вдруг с лёгким хлопком закрылась.

— Совсем новая, — печально повторил Муми-тролль. — Синяя…

— Хорошо, что тебе хвост не прищемило! —

утешила его Снорочка. — А то так бы и сидел тут всю жизнь!

Муми-тролль быстро поднялся.

— Пошли, — сказал он. — Поспим на веранде.

Перед домом стоял Муми-папа и нюхал воздух.

В саду что-то беспокойно шуршало, из зарослей взлетали стаи птиц, в траве топотали десятки мелких лапок.

Из подсолнуха, росшего возле крыльца, высунулась малышка Мю и радостно завопила:

— Сейчас как бабахнет!

Вдруг земля у них под ногами слегка задрожала — словно отзвук далёкого грома. В кухне на пол посыпались кастрюли.

— Что, пора завтракать? — спросонья вскрикнула Муми-мама. — Что случилось?

— Ничего особенного, дорогая, — ответил папа. — Это просто огнедышащая гора шевелится. Ох, сколько пресс-папье из лавы пропадает зря…

Дочь Мюмлы тоже проснулась. Все собрались у перил на веранде и стали всматриваться в даль.

— А где она, эта гора? — спросил Муми-тролль.

— На маленьком острове, — сказал Муми-папа. — На маленьком чёрном острове, где ничего не растёт.

— Правда же, всё это капельку, ну самую ма-

лость, опасно? — прошептал Муми-тролль и сунул свою лапу в папину.

— О да, — ласково откликнулся Муми-папа. — Немного опасно, это точно.

Муми-тролль радостно закивал.

Тут-то они и услышали страшный грохот.

Он шёл с моря: рокот, поначалу похожий на тихое бормотание, нарастал и скоро превратился в оглушительный рёв.

В светлой ночи они увидели, как поднимается над лесом и неумолимо растёт, растёт что-то огромное с белым шипящим гребнем.

— Пойдёмте лучше в гостиную, — сказала Муми-мама.

Едва они успели перекинуть хвосты через порог, как огромная волна захлестнула Муми-долину и всё потонуло в кромешной тьме. Дом слегка качнулся, но устоял, потому что это был очень хороший дом. Мебель всплыла под потолок гостиной. Муми-семейство перебралось на второй этаж и стало ждать, когда уляжется буря.

— Ну и погодка! Такого не бывало со времён моей юности, — радостно воскликнул Муми-папа и зажёг свечку.

Ночь была полна тревоги, снаружи что-то громыхало и скрипело, о стёкла бились тяжёлые

волны.

Муми-мама рассеянно опустилась в кресло-качалку и принялась раскачиваться.

— Это конец света? — полюбопытствовала малышка Мю.

— Может, и хуже, — ответила Мюмлина дочь. — Постарайся вести себя хорошо, если успеешь, потому что скоро мы все, похоже, попадём на небеса.

— На небеса? — переспросила малышка Мю. — А это обязательно? И как мы оттуда спустимся?

Над домом нависло что-то тяжёлое, и пламя свечи задрожало.

— Мама… — шепнул Муми-тролль.

— Да, мой милый.

— Я спрятал кораблик у озерца.

— Думаю, он никуда до завтра не денется, — сказала Муми-мама. И вдруг она перестала раскачиваться и воскликнула: — Как же я могла!

— Что? — Снорочка подскочила от неожиданности.

— Шлюпка! — сказала Муми-мама. — Я забыла шлюпку! Чувствовала же, что забыла что-то важное.

— Уже поднялась до вьюшки, — объявил Муми-папа.

Tove

Он то и дело бегал вниз и проверял уровень воды. Они поглядели на лестницу, ведущую в гостиную, и стали думать, что́ из вещей может пострадать от влаги.

— Кто-нибудь снял гамак? — спросил вдруг Муми-папа.

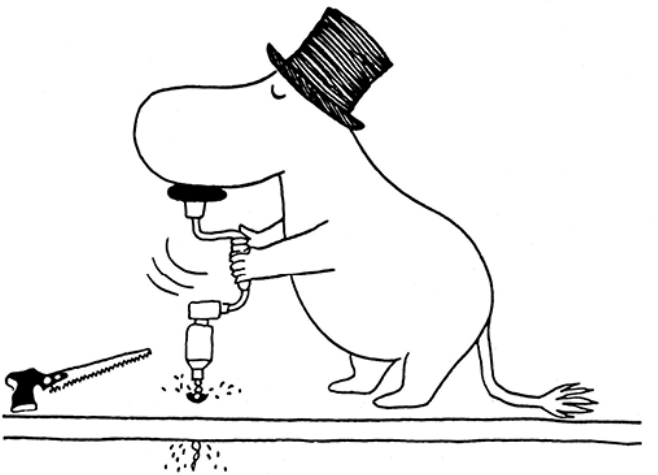
Про гамак, как оказалось, все забыли.

— Ну и хорошо, — сказал Муми-папа. — Он был пренеприятного цвета.

Шум воды, бурлившей за стенами дома, усыплял, и один за другим они улеглись прямо на полу и уснули. Но прежде чем задуть свечу, папа завёл будильник на семь утра.

Потому что ему было невероятно любопытно, что же произошло снаружи.

Глава вторая
О том, как добывали завтрак из-под воды



Наконец в долину пришло утро.

Оно зажглось узкой полоской и долго дрожало над горизонтом, не решаясь подняться выше.

Занимался тихий погожий день.

Только волны взбудораженно накатывали

на новые, впервые увидевшие море берега. Огнедышащая гора, главная виновница разбушевавшейся стихии, успокоилась. Она устало вздыхала и время от времени плевалась в небо небольшими облачками пепла.

В семь зазвонил будильник.

Все проснулись и кинулись к окну. Малышку Мю усадили на подоконник — дочь Мюмлы придерживала её за платье, чтобы не свалилась. Мир было не узнать.

Исчезли жасмин и сирень, исчезли мост и река.

Из бурлящей воды торчала лишь верхушка дровяного сарая. Там, вцепившись в конёк, ютилась дрожащая компания — судя по всему, лесные жители.

Деревья теперь росли прямо из воды, а горные хребты, окружавшие долину, превратились в цепочки островов.

— Мне больше нравилось, как раньше, — сказала Муми-мама.

Щурясь, она глядела на солнце, которое медленно выкатывалось из всего этого безобразия, громадное и красное, как луна в конце лета.

— И никакого утреннего кофе, — посетовал папа.

Муми-мама бросила взгляд на беспокойные волны, затопившие лестницу. Что-то сталось с её кухней? Мысленно мама добралась до полочки над плитой, где стояла банка с кофе, и попыталась вспомнить, закрутила ли крышку. И вздохнула.

— Хочешь, я за ней сплаваю? — спросил Муми-тролль, который подумал о том же.

— Дитя моё, ты не сможешь так надолго задержать дыхание, — грустно сказала мама.

Муми-папа посмотрел на них.

— Я не раз думал, — сказал он, — что неплохо бы как-нибудь взглянуть на собственное жилище с потолка, сверху вниз.

— Ты что, хочешь сказать… — восторженно начал Муми-тролль.

Папа кивнул. Он исчез в своей комнате и вскоре вернулся с дрелью и ножовкой.

Все собрались вокруг и увлечённо наблюдали, как он работает.

Муми-папе было немного не по себе от мысли, что он пилит собственный пол, но в то же время он испытывал глубокое удовлетворение.

* * *

Вскоре Муми-мама впервые в жизни увидела свою кухню сверху. Она заворожённо смотрела

в глубь зеленоватого, слегка подсвеченного аквариума. На дне угадывались очертания плиты, раковины и помойного ведра. Стулья и столы плавали под потолком.

— Вот смехота! — сказала мама и расхохоталась.

Она так смеялась, что ей пришлось опуститься в кресло-качалку, — уж очень смешной оказалась её кухня.

— Какое счастье, что я вынесла мусор! — сказала мама, вытирая слёзы. — И забыла принести дров!

— Ну всё, я ныряю, — сказал Муми-тролль.

— Пожалуйста, не пускай его! — в ужасе взмолилась Снорочка.

— Отчего же, пусть ныряет, — возразила Муми-мама. — Если ему так хочется.

Муми-тролль постоял неподвижно, выравнивая дыхание. А потом нырнул в кухню.

Он добрался до кладовки и открыл дверь. Вода внутри была молочно-белая, с вкраплениями брусничного варенья. Мимо проплыло несколько буханок хлеба, следом — стайка макарон. Муми-тролль взял маслёнку, ухватил белую булку и свернул к полочке над плитой, где мама держала кофе. Потом всплыл к потолку и шумно

отдышался.

— Ах, ну надо же! Крышку-то я всё-таки закрутила! — обрадовалась Муми-мама. — Какое удачное подводное путешествие! Не сплаваешь за кофейником и чашками?

Никогда ещё у них не было такого увлекательного завтрака.

Они нашли стул, который всё равно никому не нравился, и пустили его на дрова для кофе. Сахар, к сожалению, растаял, зато Муми-тролль нашёл баночку патоки. Муми-папа ел джем прямо из банки, а малышка Мю взяла дрель и пробурила в батоне лаз, но никто не обратил на это внимания.

Иногда Муми-тролль нырял в кухню, чтобы спасти что-нибудь ещё, и тогда по задымлённой комнате во все стороны летели брызги.

— Посуду я сегодня мыть не буду! — радостно заявила Муми-мама. — И кто знает, может, мне вообще больше никогда не придётся её мыть! Только прошу вас, давайте выловим мебель из гостиной, пока она цела!

* * *

За окном солнце припекало всё жарче, шторм улёгся.

Спасшиеся на крыше дровяного сарая пришли

в себя и принялись возмущаться беспорядком в природе.

— Во времена моей матушки такое было просто немыслимо, — сказала почтенная мышь, яростно начёсывая хвост. — Недопустимо! Но что и говорить, нынче времена уже не те, молодёжь совсем распоясалась.

Маленький серьёзный зверёк заинтересованно придвинулся к остальным.

— Не думаю, — сказал он, — что эту гигантскую волну нагнала молодёжь. Мы, жители этой долины, слишком малы. Нам по силам устроить бурю разве что в ведре, в луже или в раковине. Или, скажем, в стакане воды.

— Вы что, изволите надо мной насмехаться? — сказала мышь, подняв брови.

— Никак нет, — ответил маленький серьёзный зверёк. — Но я думал об этом всю ночь. Как такая большая волна могла подняться безо всякого ветра? Это, знаете ли, очень интересно, и мне кажется, что если бы…

— Как вас зовут, позвольте спросить? — перебила мышь.

— Хомса, — миролюбиво ответил зверёк. — Понять бы только, как это произошло, и большая волна сразу покажется нам закономерным яв-

лением.

— Закономерным?! — пропищала маленькая толстая миса. — Да у меня вся жизнь пошла кувырком, вся жизнь! Позавчера кто-то решил надо мной подшутить и подложил мне в башмак шишку, намекая, что у меня слишком большой размер ноги. Вчера некий хемуль прошёл под моим окном и очень двусмысленно засмеялся. А сегодня ещё и это!

— То есть вы хотите сказать, что большую волну устроили специально, чтобы вам досадить? — восхитился какой-то кнютт.

— Я этого не говорила, — ответила Миса сквозь слёзы. — Кто я такая, чтобы что-то устраивать ради меня? И уж тем более большую волну!

— А вдруг эта шишка просто упала с сосны? — попытался утешить Мису Хомса. — Если это, конечно, была сосновая шишка. А если не сосновая, то, должно быть, еловая? В твой ботинок поместится еловая шишка?

— Я и сама знаю, что у меня большие ноги, — горестно пробормотала Миса.

— Я просто пытаюсь объяснить… — сказал Хомса.

— Речь идёт о чувствах, — перебила Миса. — Какие тут могут быть объяснения!

— Конечно, конечно, — сокрушённо согласился Хомса.

Мышь привела в порядок свой хвост и заинтересовалась Муми-домом.

— Они спасают мебель, — доложила она, изо всех сил вытягивая шею. — Так, покрывало на диване драное… Смотрите-ка, они уже позавтракали! Неплохо устроились. Нет слов. Всё себе, всё для себя! Мы тут тонем, а эта Снорочка причё-

сывается как ни в чём не бывало. Ну просто нет слов. Теперь они затаскивают диван на крышу, просушить хотят! Поднимают флаг! О мой хвост! Да что они о себе возомнили?

Муми-мама перегнулась через балконные перила и крикнула:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — радостно крикнул в ответ Хомса. — Можно заглянуть к вам с визитом? Или ещё слишком рано? Вам удобнее после полудня?

— Приходите прямо сейчас, — ответила Муми-мама. — Обожаю утренние визиты.

Хомса дождался, пока к сараю подплывёт довольно крупное дерево с торчащими вверх корнями, и зацепил его хвостом.

— Не хотите со мной в гости? — спросил он.

— Нет уж, спасибо, — сказала мышь. — К этим сумасшедшим?! Ни за что!

— Меня никто не звал… — грустно проговорила Миса.

Она смотрела, как Хомса отталкивается от крыши и дерево медленно скользит дальше. Испугавшись вдруг, что останется совсем одна, Миса совершила отчаянный прыжок и ухватилась за ветки. Хомса молча помог ей вскарабкаться на ствол.

Они медленно подплыли к крыше веранды и влезли в окно.

— Милости просим, — приветствовал их Муми-папа. — Позвольте, я всех вам представлю. Моя супруга. Мой сын. Снорочка, или фрёкен Снорк. Дочь Мюмлы. Малышка Мю.

— Миса, — сказала Миса.

— Хомса, — сказал Хомса.

— Что за глупые церемонии! — фыркнула малышка Мю.

— Так принято знакомиться, — объяснила ей сестра. — А ты веди себя тихо, потому что это настоящий визит.

— У нас тут сегодня немного не прибрано, —

извиняясь, сказала Муми-мама. — И гостиную, к сожалению, затопило.

— Ну что вы, ничего страшного, — ответила Миса. — Отсюда такой изумительный вид! Да и с погодой в последнее время сплошное везенье.

— Да? Ты это серьёзно? — удивился Хомса.

Миса сильно покраснела:

— Извините, мне просто хотелось сказать что-нибудь милое.

Все немного помолчали.

— Здесь тесновато, — смущённо сказала Муми-мама. — Но иногда приятно немного сменить обстановку. Я взглянула на свою мебель совершенно по-новому… Теперь ведь мне приходится смотреть на неё сверху вниз! И вода стала такая тёплая. Наше семейство, видите ли, обожает купаться.

— Да что вы говорите? — вежливо откликнулась Миса.

И снова повисло молчание.

Вдруг что-то тихо зажурчало.

— Мю! — строго прикрикнула дочь Мюмлы.

— Это не я, — ответила малышка Мю. — Это море вливается в окошко!

Она оказалась права. Вода снова поднималась. Маленькая волна захлестнула подоконник. За

ней ещё одна.

А потом на ковёр выплеснулся целый водопад.

Дочь Мюмлы быстро запихнула сестру в карман и сказала:

— Какое счастье, что это семейство обожает купаться!

Глава третья
О доме с привидениями

Муми-мама сидела на крыше, прижимая к груди сумку, корзинку с шитьём, кофейник и семейный альбом. Вода поднималась всё выше и выше, и Муми-мама то и дело отползала подальше: ей не хотелось, чтобы хвост болтался в воде, особенно сейчас, когда у них гости.

— *Весь* гостиный гарнитур нам не спасти, — сказал Муми-папа.

— Дорогой, — ответила мама. — Какой прок в столе, если нет стульев, и в стульях, если нет стола? И зачем нужны кровати, если нет бельевого шкафа?

— Ты права, — согласился папа.

— Трюмо тоже очень полезная вещь, — с нежностью сказала Муми-мама. — Сам знаешь, как приятно поглядеться утром в зеркало. А ещё диван, — продолжила она, помолчав, — на нём так хорошо лежать после обеда.

— Нет, только не диван, — отрезал Муми-папа.

— Как скажешь, дорогой, — ответила Муми-мама.

Мимо проплывали выдранные с корнем кусты и деревья. Целые флотилии тачек, квашни, коляски, рыболовные садки, мостки и изгороди — порожние и с пассажирами, спасающимися от стихии. Но все эти вещи были слишком малы — гостиный гарнитур на них никак не погрузишь.

Вдруг Муми-папа сдвинул шляпу на затылок и напряжённо вгляделся в даль. Со стороны моря в устье долины вплывало что-то очень странное. Солнце светило прямо в глаза, и Муми-папа не мог оценить, насколько опасен этот предмет. Вне всяких сомнений, это было что-то большое, настолько большое, что вместило бы десяток

гостиных гарнитуров и гораздо более многочисленное семейство, чем семья Муми-троллей.

Сперва папе показалось, что это огромная полузатонувшая банка. Потом — что это морская раковина, стоящая на ребре.

Муми-папа повернулся к своим и сказал:

— Думаю, всё будет хорошо.

— Конечно, всё будет хорошо, — ответила Муми-мама. — Я просто жду, когда подплывёт поближе наш новый дом. Это только у злодеев всё кончается плохо.

— Ах, если бы! — воскликнул Хомса. — Я знаю злодеев, которые живут припеваючи и не ведают никаких опасностей.

— Вот бедолаги, какая же у них скучная жизнь! — удивилась Муми-мама.

Странный предмет тем временем подплыл ближе. Вероятно, это был чей-то дом. На крыше, напоминавшей створку открытой раковины, крепилось золотое украшение в виде двух гримасничающих лиц: одно плакало, другое смеялось. Внизу была большая полукруглая комната, тёмная и снизу доверху затянутая паутиной. Одной стены не было: видно, её смыло волной. По бокам от зияющей на её месте дыры висели красные бархатные шторы, концы их печально волочи-

лись по воде.

Tove

Муми-папа недоумённо вглядывался в сумрак комнаты.

— Есть кто-нибудь дома? — осторожно спросил он.

Никто не отозвался. Только хлопали от качки двери да шарики пыли катались по огромному пустому полу.

— Надеюсь, они спаслись, — взволнованно проговорила Муми-мама. — Бедное семейство. Интересно, кто они были? Какой ужас, что мы вынуждены вот так занять их дом…

— Дорогая, — сказал Муми-папа. — Вода прибывает.

— Да-да, — ответила мама. — Ничего не поделаешь, придётся переселяться.

Она шагнула в свой новый дом и огляделась. Да, за порядком прежние жильцы не очень следили, Муми-мама это сразу заметила. Но подумаешь, с кем не бывает. Столько старья скопили. Жаль, конечно, что стена отвалилась, но летом тепло…

— Где поставим стол? — спросил Муми-тролль.

— Вот здесь, посередине, — ответила Муми-мама.

В окружении собственной изящной мебели, обтянутой тёмно-красным плюшем с кисточками, Муми-маме стало намного спокойнее. Странная

комната сразу показалась уютнее, и Муми-мама радостно уселась в кресло-качалку и принялась размышлять о занавесках и небесно-голубых обоях.

— А от моего дома остался только флагшток, — мрачно сказал папа.

Муми-мама погладила его по лапе.

— У нас был красивый дом, — сказала она. — Намного лучше этого. Но поверь мне, мы скоро привыкнем и всё станет как обычно.

(Дорогие читатели, Муми-мама сильно заблуждалась. Никакого «как обычно» быть не могло, потому что дом, в котором они очутились, не был обычным домом и прежние жильцы не были обычными жильцами. Но больше я пока что ничего не скажу.)

— Хотите, я сниму ваш флаг? — предложил Хомса.

— Нет, пусть висит, — ответил Муми-папа. — Есть в нём что-то гордое.

Новый дом медленно плыл по долине. Они уже вошли в пролив, ведущий к Одиноким горам, а флаг всё ещё маячил вдалеке весёлой точкой.

Пора было пить чай. В большой чужой гостиной их стол выглядел немного сиротливо. Вокруг него, словно стражники, стояли стулья, трюмо

и бельевой шкаф, но дальше, за ними, очертания комнаты растворялись в темноте, тишине и пыли. Самым странным был потолок. Вместо привычной любимой лампы под абажуром с кисточками наверху играли таинственные тени, что-то трепыхалось и двигалось, что-то большое и бесформенное раскачивалось из стороны в сторону, вторя плавным движениям волн.

— Сколько вокруг непонятного, — сказала Муми-мама сама себе. — Но, с другой стороны, кто сказал, что всё должно быть именно так, как мы привыкли?

Она пересчитала чашки и поняла, что они забыли джем.

— Досада какая, — огорчилась мама. — Муми-тролль так любит джем к чаю. И как я могла его забыть…

— А вдруг прежние жильцы тоже забыли джем? — пришёл ей на помощь Хомса. — Может, его было трудно упаковать? Или в банке оставалось так мало, что брать её с собой не имело смысла?

— Но как мы его найдём? — усомнилась Муми-мама.

— Я могу попробовать, — сказал Хомса. — Ведь где-то же должна быть кладовка.

И он шагнул в темноту.

Прямо перед ним, сама по себе, без стены, стояла одинокая дверь. Для порядка Хомса прошёл через неё и удивлённо отметил, что дверь — бумажная, а на обратной стороне нарисована изразцовая печь. Потом он взобрался по лестнице, которая никуда не вела, а обрывалась прямо в воздухе.

«Кто-то решил надо мной подшутить, — подумал Хомса. — Но это не смешно. Двери и лестницы должны куда-то вести. Что же это будет за жизнь, если миса станет прикидываться мюмлой, а хомса — хемулем?»

Повсюду валялось старое барахло. Причудливые незаконченные поделки из картона, полотна и дерева или надоевшие вещи, которые хозяева поленились снести на чердак за ненадобностью.

— Что ты ищешь? — спросила Мюмлина дочь, неожиданно выскочив из шкафа, в котором не было ни полок, ни задней стенки.

— Джем, — ответил Хомса.

— В этом доме полно всякой всячины, — сказала Мюмлина дочь. — Наверняка и джем найдётся. Очень странные тут были жильцы.

— Одного мы видели, — важно сообщила малышка Мю. — Он не желает выходить на свет!

— Где он? — спросил Хомса.

Дочь Мюмлы указала в тёмный угол, заваленный хламом до самого потолка. У стены стояла пальма и уныло шуршала бумажными листьями.

— Это злодей! — прошептала малышка Мю. — Ждёт не дождётся, чтобы с нами расправиться!

— Спокойно, — сказал Хомса слегка дрогнувшим голосом.

Он приблизился к распахнутой дверце и осторожно понюхал воздух.

За дверцей начинался узкий коридор, который загадочно извивался и исчезал в темноте.

— Где-то здесь наверняка должна быть кладовка, — сказал Хомса.

Они вошли в коридор и увидели ещё несколько маленьких дверок.

Дочь Мюмлы вытянула шею и, запинаясь, прочла по слогам надпись на одной из табличек.

— Бу-та-фор. Бутафор, — повторила она. — Точно злодей!

Собравшись с духом, Хомса постучал. Они подождали, но им никто не ответил. Злодея Бутафора, судя по всему, не было дома.

И тогда дочь Мюмлы толкнула дверь.

Ещё никогда в жизни они не видели столько вещей сразу. Все стены сверху донизу были

увешаны полками, а на них в пёстром хаосе теснилось всё подряд — всё, что только можно засунуть на полки. Огромные блюда с фруктами, игрушки, лампы и фарфор, железные доспехи, цветы, инструменты, чучела птиц, книжки и телефоны, веера, вёдра и глобусы, ружья, шляпные коробки, часы, почтовые весы…

Малышка Мю запрыгнула на одну из полок прямо с плеча сестры. Нашла там зеркало, поглядела в него и воскликнула:

— Смотрите! Я стала ещё меньше! Я исчезла! Меня не видно!

— Это ненастоящее зеркало, — объяснила Мюмлина дочь. — Ничего ты не исчезла.

Хомса искал джем.

— Думаю, варенье тоже подойдёт, — сказал он и поковырялся в какой-то банке.

— Крашеный гипс, — сказала Мюмлина дочь. Она взяла яблоко и попыталась откусить. — Деревянное, — объявила она.

Малышка Мю засмеялась. Но Хомсе было не до смеха. Все вещи вокруг были ненастоящие, они манили своими яркими красками, но стоило протянуть лапу, и оказывалось, что это просто картон, дерево или гипс. Золотые монеты были неприятно лёгкие, цветы — бумажные, на скрипках не хватало струн, в коробках — дна, а книжки не то что полистать, даже открыть было нельзя.

Уязвлённый до глубины своей благородной души, Хомса тщетно старался понять, в чём же смысл всех этих подделок.

«Был бы я хоть чуточку умнее, — думал он. — Или на недельку-другую старше…»

— А мне нравится, — сказала Мюмлина дочь. — Кажется, будто всё вокруг не имеет ровным счётом никакого смысла.

— А на самом деле имеет? — спросила малышка Мю.

— Нет, — весело ответила её сестра. — И не задавай глупых вопросов.

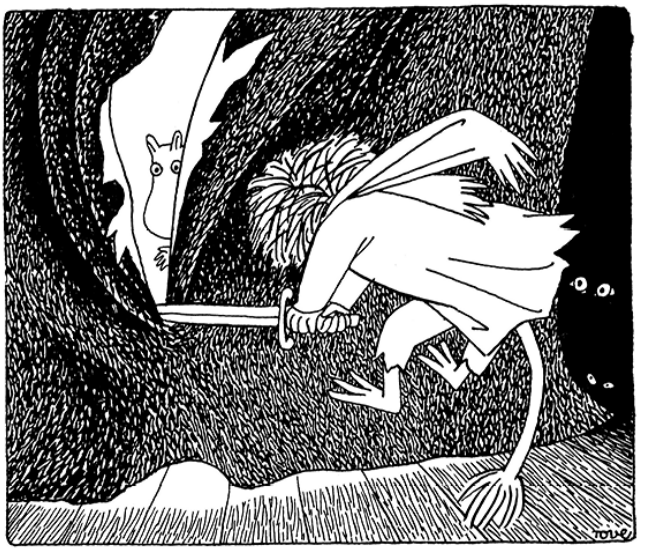
Вдруг кто-то чихнул. Громко и презрительно.

Они испуганно переглянулись.

— Я лучше пойду, — сказал Хомса. — Эти странные вещи нагоняют на меня тоску.

Тут из гостиной донёсся страшный грохот, с полок сорвалось лёгкое облако пыли. Хомса схватил меч и ринулся в коридор. Закричала Миса.

В гостиной было темно. Хомсе в лицо влетело что-то большое и мягкое. Он зажмурился и вонзил меч в невидимого врага. Раздался треск, такой, словно враг был сделан из ткани, и когда Хомса, набравшись мужества, открыл глаза, он увидел, что прорубил мечом дыру, сквозь которую льётся солнечный свет.



— Что это ты сделал? — спросила дочь Мюмлы.

— Убил Бутафора, — дрожащим голосом ответил Хомса.

Дочь Мюмлы засмеялась и через прорезь от

меча залезла в гостиную.

— А вы что тут устроили? — спросила она.

— Мама потянула за шнурок! — крикнул Муми-тролль.

— И с потолка свалилось что-то до ужаса огромное! — воскликнула Миса.

— А прямо посреди гостиной вдруг оказался прекрасный пейзаж, — сказала Снорочка. — Мы думали, что он настоящий, но потом в траве появилась дырка, а в ней — ты.

Дочь Мюмлы обернулась.

Она увидела яркую зелень берёз, которая отражалась в ярко-голубом озере.

Из травы выглядывал Хомса. Ему явно стало намного легче.

— Ох, ну надо же, — сказала Муми-мама. — Я думала, это шнур от занавески. И вдруг всё как обрушится! Хорошо, что никого не придавило. Ты нашёл джем?

— Нет, — ответил Хомса.

— А всё-таки давайте выпьем чаю, — сказала Муми-мама. — И полюбуемся на эту прекрасную картину. Она чудо как хороша. Лишь бы не вытворяла больше никаких фокусов.

И мама принялась разливать чай по чашкам.

Вдруг кто-то рассмеялся.

Это был высокомерный и очень скрипучий смех, и шёл он из тёмного угла с пальмой.

— Почему вы смеётесь? — после долгой паузы спросил Муми-папа.

Возникла новая, ещё более долгая пауза.

— Не хотите ли чаю? — неуверенно спросила Муми-мама.

В углу упорно молчали.

— Должно быть, это кто-то из прежних жильцов, — предположила мама. — Но почему он не выйдет к нам и не представится?

Они подождали ещё, но никто так и не появился. Тогда Муми-мама сказала:

— Дети, чай остывает. — И стала намазывать бутерброды.

Пока мама резала сыр так, чтобы всем досталось поровну, по крыше вдруг громко забарабанил дождь.

Потом печально завыл ветер.

Они посмотрели туда, где комната без стены открывалась наружу, и увидели солнце, мирно опускающееся в гладкое блестящее море.

— Тут что-то не так, — рассердился Хомса.

Начался шторм. Было слышно, как огромные валы с шумом накатывают на берег и льёт дождь, хотя за бортом их нового дома по-прежнему сто-

яла прекрасная погода. Вдали прокатился гром. Его раскаты всё приближались, в гостиной засверкали белые молнии, и вот уже над головами муми-семейства громыхало вовсю.

Солнце тем временем спокойно садилось за горизонт.

А потом завертелся пол. Сперва медленно. Затем быстрее, так что из чашек стал выплёскиваться чай. Стол, столы и всё семейство неслись по кругу, как на карусели, а вокруг них кружились бельевой шкаф и зеркальное трюмо.

Вдруг всё прекратилось — так же внезапно, как началось.

Гром, молнии, дождь и ветер стихли.

— Какой, однако, странный мир! — сказала Муми-мама.

— Это всё ненастоящее! — с чувством выкрикнул Хомса. — На небе ни облачка. Молния трижды ударила в бельевой шкаф, а с ним ничего не сделалось! Дождь, ветер, карусель…

— А ещё этот тип, который надо мной смеялся! — закричала Миса.

— Но теперь-то всё хорошо, — сказал Муми-тролль.

— Будем соблюдать предельную осторожность, — сказал его папа. — Это опасный дом с

привидениями, в котором может случиться всё, что угодно.

— Спасибо за чай, — сказал Хомса.

Он подошёл к краю гостиной, глядя в сумрак. «Они совсем другие, — думал он. — Они испытывают чувства, различают цвета, слышат звуки и кружатся, но им совершенно неинтересно, *что* они чувствуют, видят и слышат или *почему* они кружатся».

Последний краешек солнечного диска исчез в воде.

И в тот же миг гостиная озарилась светом.

Все в восхищении подняли глаза от чашек к потолку. Над ними сверкала целая радуга разноцветных лампочек — красных и синих. Подобно гирлянде из звёзд обрамляли они вечернее море, и всё это выглядело необычайно красиво и радостно. На полу тоже зажглась полоска света.

— Это чтобы никто не упал в воду, — решила Муми-мама. — Как всё-таки складно устроена жизнь. Но сегодня уже случилось столько всего волнительного и прекрасного, что я немного устала. Лучше мне прилечь.

Но прежде чем натянуть одеяло на нос, Муми-мама торопливо добавила:

— Вы всё-таки меня разбудите, если опять произойдёт что-нибудь интересное!

Чуть позже вечером маленькая Миса бродила одна у воды. Поднималась луна, готовая пуститься в свой одинокий путь сквозь ночь.

«Она как я, — подумала Миса. — Такая же одинокая и такая же толстая».

При этой мысли она почувствовала себя такой несчастной и всеми покинутой, что даже немного всплакнула.

— Почему ты плачешь? — спросил Хомса.

— Не знаю, это так приятно, — сказала Миса.

— Обычно плачут, когда грустно, — возразил

Хомса.

— Это всё луна, — сказала Миса. — Луна, ночь, ну и просто печаль…

— А-а, ясно, — ответил Хомса.

Глава четвёртая
О тщеславии и о том, как опасно спать на деревьях

Прошло несколько дней.

Муми-семейство потихоньку привыкало к своему новому странному дому. Каждый вечер, когда садилось солнце, загорались красивые лампы. Муми-папа обнаружил, что красные бархатные шторы можно в случае дождя задвигать и что под полом есть небольшая кладовка с круглой крышей. Под самой кладовкой плескалась вода,

поэтому еда лежала в холодке и не портилась. Но удивительнее всего было то, что под потолком обнаружилось множество картин ещё прекраснее той первой, с берёзами. Их можно было опускать и поднимать когда заблагорассудится. Больше всего им нравилась картина с резной верандой — она напоминала о доме. Если бы ещё не этот чудной смех, который часто раздавался посреди разговора и до смерти всех пугал! Иногда это был не смех, а просто фырканье. Презрительное фырканье в их адрес. Однако того, кто смеялся и фыркал, они так ни разу и не видели. Когда они садились ужинать, Муми-мама ставила миску с едой в тёмный угол, под бумажную пальму, и угощение всегда съедалось без остатка.

— По крайней мере, ясно, что это кто-то очень застенчивый, — говорила мама.

— И этот кто-то чего-то *ждёт*, — отвечала дочь Мюмлы.

* * *

Однажды утром Миса, дочь Мюмлы и Снорочка сидели и расчёсывали свои волосы.

— Мисе надо сменить причёску, — сказала дочь Мюмлы. — Прямой пробор ей не к лицу.

— Чёлка ей тоже не пойдёт, — рассудила Сно-

рочка, укладывая собственную мягкую и пышную чёлку. Она слегка вспушила кисточку на хвосте и обернулась посмотреть, хорошо ли лежит шёрстка на спине.

— А это приятно, когда всё тело покрыто такой шёрсткой? — спросила дочь Мюмлы.

— Очень, — довольно ответила Снорочка. — Миса, а у тебя есть шёрстка?

Миса ничего не ответила.

— Мисе пошла бы шёрстка, — сказала Мюмлина дочь и начала закручивать волосы в пучок.

— Или мелкие кудряшки, — сказала Снорочка.

Вдруг Миса встала и со всей силы топнула ногой.

— Как же вы мне надоели со своей дурацкой шёрсткой! — крикнула она в слезах. — Всё-то вы знаете! А между тем у Снорочки даже платья нет! Я бы в жизни не посмела так расхаживать! Да я лучше умру, чем буду ходить без платья!

Миса разрыдалась и выбежала из гостиной. Всхлипывая и спотыкаясь в темноте, она неслась по коридору, но вдруг в ужасе остановилась. Она вспомнила про странный смех.

Бедняжка тут же перестала плакать и боязливо попятилась. Она искала и никак не могла найти дверь в гостиную, и чем больше искала, тем

страшнее ей становилось. Наконец она уткнулась в какую-то дверь и распахнула её.

Но за дверью оказалась не гостиная, а совсем другая комната. В полумраке перед Мисой тянулся длинный ряд голов. Отрубленных голов на жутко длинных тонких шеях. С неестественно огромными шевелюрами. Лица были обращены к стене. «Хорошо, что они на меня не смотрят, — в замешательстве подумала Миса. — Как хорошо, что они не смотрят…»

От испуга Миса не могла сдвинуться с места и всё глядела как заворожённая на все эти прекрасные локоны — золотистые, чёрные, рыжие…

Снорочка тем временем сидела в гостиной и грустила.

— Да не обращай ты на неё внимания, — сказала дочь Мюмлы. — Вечно она обижается по пустякам.

— Но ведь она права, — пробормотала Снорочка, взглянув на свой живот. — Мне действительно нужно платье.

— Да нет, — ответила дочь Мюмлы. — Глупости всё это.

— Но ты-то ходишь в платье, — возразила Снорочка.

— Так то я, — беспечно отозвалась дочь Мюм-

лы. — Эй, Хомса, как ты считаешь, Снорочке нужно платье?

— Если ей холодно… — начал Хомса.

— Нет-нет, не для тепла, а просто, — объяснила Снорочка.

— Или если дождь идёт, чтобы не промокнуть, — сказал Хомса. — Правда, на такой случай лучше иметь плащ.

Снорочка покачала головой. Она немного постояла в нерешительности, а потом сказала:

— Пойду поговорю с Мисой.

Взяла фонарик и шагнула в узкий коридор. Там никого не было.

— Миса! — позвала Снорочка. — Послушай, мне очень нравится твой пробор…

Но Миса не отзывалась. Снорочка заметила узкую полоску света, падавшую из приоткрытой двери, и осторожно подкралась ближе.

Внутри сидела Миса с совершенно новыми волосами.

Длинные белые букли обрамляли её озабоченное лицо.

Маленькая Миса посмотрелась в зеркало и вздохнула. Потом взяла другие волосы, рыжие, и натянула чёлку на самые глаза.

Но тоже осталась недовольна. В конце концов дрожащими лапами она дотронулась до волос, которые припасла напоследок. Они были угольно-чёрные, местами тронутые золотом, и нравились ей больше всего. С замиранием сердца Миса надела их на голову и какое-то время вни-

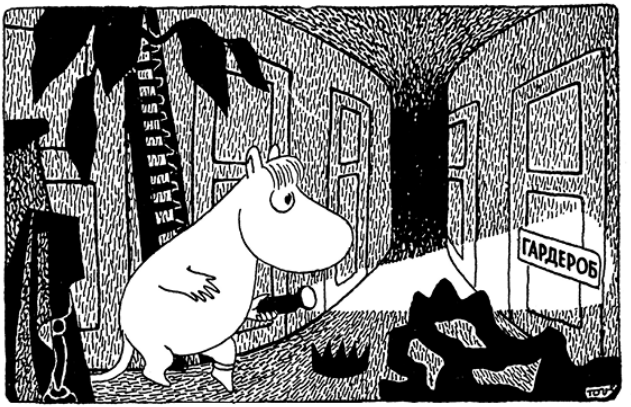
мательно рассматривала себя в зеркало.

Потом так же медленно сняла и села, понуро глядя в пол.

Сноpочка тихонько отошла от двери.

Она понимала, что Миса хочет побыть одна.

Но в гостиную Сноpочка не вернулась. Она пошла дальше по коридору, потому что почуяла манящий, интересный запах — запах пудры. Луч фонарика скользил вверх и вниз по стенам, пока не остановился на табличке с магическим словом «Гардероб».



— Одежда, — догадалась Снорочка. — Платья!

Она открыла дверь и вошла.

— О, как чудесно, — задыхаясь, промолвила она. — Какая красота!

Платья, платья, платья... Длинные, бесконечные ряды — сколько хватало глаз, сотни платьев, висящих вплотную друг к дружке, сверкающая парча, лёгкие, как облако, тюль и лебяжий пух, яркий цветастый шёлк и бордовый бархат. И повсюду, словно огни маяков, мерцают разноцветные блёстки.

Не веря своим глазам, Снорочка подошла ближе. Она трогала эти платья, обнимала, зарывалась в них мордочкой и прижимала к сердцу. Платья шуршали, они пахли духами и пылью, их мягкие складки готовы были поглотить её

целиком, принять в своё пёстрое царство. Вдруг Сноpочка выпустила платья и встала на голову.

— Вот только успокоюсь немного, — прошептала она. — Надо успокоиться, иначе я взорвусь от счастья. Их тут слишком много…

* * *

Перед ужином Миса сидела в углу гостиной и предавалась печали.

— Здравствуй, — сказала Сноpочка и села рядом.

Миса искоса взглянула на неё, но не ответила.

— Я тут ходила по дому, искала себе платье, — рассказала ей Сноpочка. — И представляешь, нашла — и не одно, а много сотен платьев, и ужасно обрадовалась.

Миса издала звук, который мог означать что угодно.

— Может, даже тысячу платьев! — продолжала Сноpочка. — Я не могла на них насмотреться, всё примеряла и примеряла, но с каждым новым платьем только сильнее огорчалась.

— Вот как? — оживилась Миса.

— Правда же странно? — сказала Сноpочка. — Понимаешь, их было слишком много. Я бы за всю жизнь не успела перемерить их все и решить, ка-

кое самое красивое. Я даже немножко испугалась! Будь там всего два платья, я бы легко выбрала, какое мне нравится больше.

— Так было бы куда проще, — согласилась Миса, слегка повеселев.

— Поэтому я просто убежала, — завершила свой рассказ Снорочка.

Они посидели молча, глядя, как Муми-мама накрывает на стол.

— Подумать только, — сказала Снорочка. — Что же за семья тут жила! Тысячи платьев! Крутящийся пол, картины под потолком, все эти вещи в кладовке, бумажная мебель и собственный дождь. Как ты думаешь, как они выглядели?

Миса вспомнила о прекрасных локонах и вздохнула.

Но за спиной у Мисы и Снорочки, в пыльном, захламлённом углу за искусственной пальмой, сверкала пара маленьких блестящих глазок. Глазки презрительно наблюдали за Мисой и Снорочкой, потом оглядели мебель в гостиной и остановились на Муми-маме, которая раскладывала по тарелкам кашу. Глазки почернели, мордочка насупилась и беззвучно фыркнула.

— К столу! — позвала Муми-мама. Одну тарелку она поставила на пол под пальмой.

Домочадцы сбежались и расселись по местам.

— Мама, — сказал Муми-тролль и потянулся за сахарницей, — мама, тебе не кажется… — И вдруг он замолчал, выпустив сахарницу, которая звонко брякнулась на стол. — Смотрите! — прошептал он. — *Смотрите!*

Все обернулись. От тёмного угла отделилась тень. Что-то серое и скукоженное выбралось на середину гостиной, моргая от солнечного света, потряхивая усиками и враждебно разглядывая муми-семейство.

— Я Эмма, — гордо объявила старая театральная крыса, — и я хочу вам сказать, что я терпеть не могу кашу. Вы едите кашу третий день подряд.

— Завтра будет толокно, — робко сказала мама.

— Терпеть не могу толокно, — ответила Эмма.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил Мумипапа. — Мы думали, что дом брошен, и поэтому...

— Дом, — не дослушав, фыркнула Эмма. — Дом! Это не дом. — Она, ковыляя, приблизилась к столу, но не села.

— Это она на меня сердится? — прошептала Миса.

— А что ты натворила? — спросила дочь Мюмлы.

— Ничего, — пробормотала Миса в свою тарелку. — Мне просто так показалось. Мне всегда кажется, что на меня сердятся. Будь я самой прекрасной мисой на свете, всё было бы иначе…

— Что ж поделаешь, голубушка, раз это не так, — ответила Мюмлина дочь и вернулась к еде.

— Эмма, а ваша семья спаслась? — участливо спросила Муми-мама.

Эмма не отвечала. Она смотрела на сыр… Потом протянула лапу и быстро сунула сыр в карман. Взгляд её переместился на запеканку.

— Это наша запеканка! — закричала малышка Мю и, сделав прыжок, плюхнулась сверху.

— Мю, так поступать некрасиво, — укоризненно заметила дочь Мюмлы. Она подняла сестру,

смахнула с запеканки пылинки и спрятала весь кусок под скатертью.

— Хомса, милый, — быстро проговорила Муми-мама. — Сбегай в кладовку, посмотри, нет ли у нас чего-нибудь вкусненького для Эммы.

Хомса убежал.

— Кладовка! — воскликнула Эмма. — Кладовка! Они думают, что суфлёрская будка — это кладовка! Они, видите ли, решили, что сцена — это гостиная, а кулисы — картины! Занавес у них — это шторы, а бутафор — злодей! — Эмма раскраснелась, и нос сморщился до самого лба. — Какое счастье! — выкрикнула она. — Какое счастье, что господин Филифьонк, заведующий постановочной частью, — да-покоится-он-с-миром — вас не видит! Вы ничего, вообще ничего, ровным счётом ничего не знаете о театре!

— Я нашёл только старую салаку, — вернувшись, сказал Хомса. — Если, конечно, это не селёдка.

Эмма выхватила у него рыбу и с высоко поднятой головой прошаркала в свой угол. Она долго чем-то грохотала, потом достала большую метлу и начала ожесточённо мести пол.

— Что такое театр? — встревоженно спросила Муми-мама.

— Не знаю, — сказал папа. — Видимо, что-то такое, о чём полагается знать.

* * *

Вечером гостиная наполнилась густым ароматом цветущей рябины. Под крышу залетали птицы в поисках пауков, а малышка Мю повстречала на ковре большого опасного муравья. Оказывается, они и сами не заметили, как заплыли в лес. Все разволновались не на шутку. Позабыв о страхе перед Эммой, они собрались у воды, размахивая лапами и шумно беседуя.

Они пришвартовались у большой рябины. Муми-папа привязал швартовый конец к своей трости и воткнул её прямо в крышу кладовки.

— Не смейте ломать суфлёрскую будку! — закричала Эмма. — Что это по-вашему — театр или пароходная пристань?

— Видимо, театр, раз вы так говорите, — смиренно отвечал Муми-папа. — Но, к сожалению, никто из нас не знает, что это такое.

Эмма молча уставилась на него. Потом покачала головой, презрительно дёрнула плечами, громко фыркнула и снова принялась мести пол.

Муми-тролль стоял задрав голову и смотрел на большое дерево. Вокруг белых соцветий жужжа-

ли шмели и пчёлы, а ствол изящно раздваивался, и наверху образовалось уютное углубление — прекрасный ночлег на случай наводнения.

— Сегодня я буду спать на этом дереве, — вдруг решил Муми-тролль.

— Я тоже, — заявила Снорочка.

— И я! — закричала малышка Мю.

— Мы будем спать дома, — строго сказала дочь Мюмлы. — Вдруг там муравьи? Если тебя укусят, ты опухнешь и станешь больше апельсина.

— Но я хочу стать большой, хочу-стать-большой-хочу-стать-большой! — заверещала малышка Мю.

— Веди себя прилично, — сказала сестра. — Не то придёт Морра и утащит тебя.

Муми-тролль глядел на зелёную сень листвы. Всё кругом было так похоже на их долину. Он

стал насвистывать себе под нос, размышляя, где бы раздобыть верёвочную лестницу.

К нему тут же подскочила Эмма.

— Не свисти! — закричала она.

— Почему? — спросил Муми-тролль.

— Свистеть в театре — плохая примета, — шёпотом сказала Эмма. — Даже этого не знаете.

Бормоча и потрясая метлой, театральная крыса скрылась среди теней. Они посмотрели ей вслед, немного встревоженные, но вскоре обо всём благополучно забыли.

Ближе к вечеру Муми-мама подняла на дерево постели. Потом собрала корзинку с завтраком для Муми-тролля и Снорочки.

Миса смотрела, как она суетится.

— Ах, как, наверное, здорово спать на дереве, — сказала она.

— Так почему бы и тебе не забраться вместе с ними? — удивилась Муми-мама.

— Меня не звали, — тоскливо ответила Миса.

— Ну что за глупости, детка, возьми своё одеяло и полезай к остальным, — попросила её мама.

— Нет, теперь мне уже не хочется, — сказала Миса, села в углу и заплакала.

«Почему всё так получается? — думала она. — Почему всё так печально и сложно?»

Муми-мама той ночью никак не могла уснуть.

Она слушала, как плещется вода под полом, и её мучила неясная тревога. Вдоль стен, ворча себе под нос, взад-вперёд шаркала Эмма. В лесу кричал незнакомый зверь.

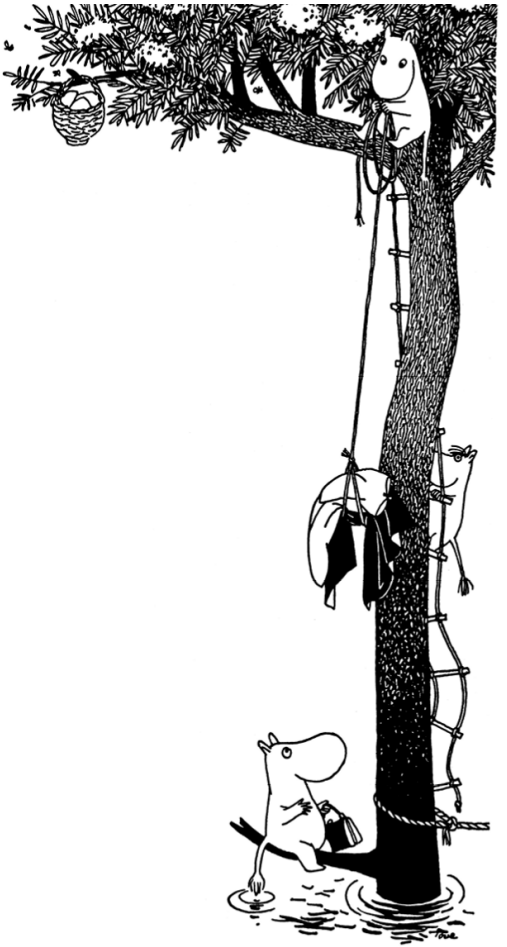
— Муми-папа, — прошептала мама.

— Мм, — промычал Муми-папа из-под одеяла.

— Как-то мне тревожно.

— Всё будет хорошо, вот увидишь, — промямлил Муми-папа и снова уснул.

Муми-мама лежала, глядя на лес. Но скоро и она уснула, и в гостиной наступила ночь.



* * *

Прошёл час, а может, чуть больше.

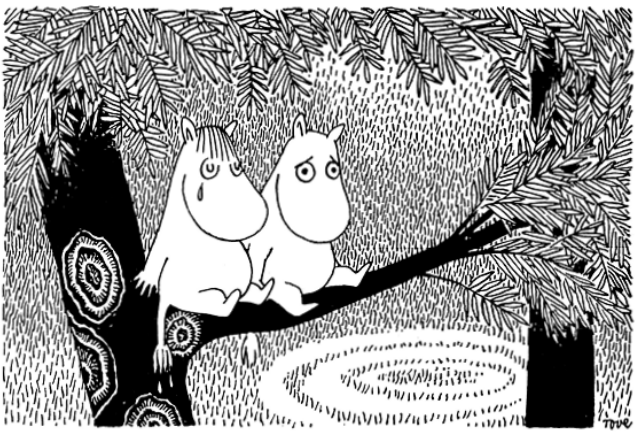
На середину гостиной выскользнула серая тень и остановилась возле кладовки. Это была Эмма. Собрав все свои старческие силы и призвав на помощь весь свой гнев, она выдернула трость Муми-папы из крыши кладовки и зашвырнула её вместе со швартовым концом подальше в воду.

— Будут знать, как портить суфлёрскую будку! — пробормотала она и отправилась обратно в свой угол, попутно высыпав в карман содержимое сахарницы.

Сорвавшись с привязи, дом сразу поплыл по течению. Какое-то время между деревьями ещё мелькала сверкающая дуга синих и красных лампочек.

Потом она исчезла, и остался лишь лес в сероватом свете луны.

Глава пятая
Что бывает, если свистеть в театре



Снорочка проснулась от холода. Её чёлка совсем промокла. Огромные клочья тумана плыли между деревьями, вдали всё блекло и сливалось с серой стеной. Влажные стволы деревьев были черны как уголь, зато мхи и лишайники на них посветлели, и повсюду проступали нарисован-

ные ими узоры-розочки.

Снорочка зарылась поглубже под одеяло, чтобы досмотреть приятный сон. Ей приснилось, будто у неё крошечный и совершенно изумительный носик. Но заснуть не удалось.

Вдруг она насторожилась. Что-то было не так.

Снорочка села и посмотрела по сторонам.

Деревья, туман, вода… Но дома нет. Дом исчез, они остались совсем одни. Снорочка сидела тихо, не говоря ни слова.

Потом наклонилась и легонько потрясла Муми-тролля.

— Спаси меня, — прошептала она. — Умоляю, спаси меня!

— Это такая новая игра? — сонным голосом спросил Муми-тролль.

— Нет, это по-настоящему, — ответила Снорочка, глядя на него чёрными от ужаса глазами.

Вокруг них уныло капало: кап, кап, кап — падали капли в чёрную воду. За ночь все цветы облетели. Было холодно.

Они долго сидели неподвижно, тесно прижавшись друг к другу. Снорочка плакала, уткнувшись в одеяло.

Наконец Муми-тролль встал и машинально снял с сучка корзинку с завтраком.

В ней было полным-полно бутербродов, аккуратно завёрнутых в шёлковую бумагу, по два бутерброда каждого вида. Муми-тролль разложил их рядком, но есть ему совсем не хотелось.

Вдруг Муми-тролль увидел, что мама пометила свёртки. На каждом было написано: «Сыр», или «Просто с маслом», или «Очень хорошая колбаса», или «С добрым утром!». На последнем свёртке она написала: «Это от папы». Внутри лежала баночка с омаром, которую папа приберёг с весны.

Муми-тролль сразу решил, что всё не так уж и страшно.

— Перестань плакать и скорее ешь свои бутерброды, — сказал он Снорочке. — Будем пробираться по деревьям. И причеши немножко чёлку, мне так нравится, когда ты красивая!

* * *

Целый день Муми-тролль и Снорочка карабкались по веткам с дерева на дерево. Только к вечеру под водой показался зелёный мох, который медленно подступал к поверхности и наконец превратился в сушу.

Как это было прекрасно — снова стоять на земле, зарываясь лапами в мягкий, привычный мох! Лес в этих краях был еловый. В застывшей

вечерней тишине куковали кукушки, а под плотным еловым навесом плясали полчища комаров. (Комары, к счастью, не прокусывают шкурку муми-троллей.)

Муми-тролль вытянулся на земле. В голове всё так и раскачивалось от беспокойной воды, которая текла и текла мимо.

— Я буду играть, как будто ты меня похитил, — прошептала Снорочка.

— Давай, — ласково ответил Муми-тролль. — Ты ужасно кричала, но я всё равно тебя похитил.

Солнце село, но в это время, в июне, по-настоящему никогда не темнеет. Ночь стояла бледная, задумчивая и полная колдовства.

Под елями сверкнула и разгорелась искорка. Это был миниатюрный костерок из хвои и веток, и Муми-тролль со Снорочкой увидели, как мелкие букашки и другая мелюзга тащат в огонь шишку.

— Это костёр в честь летнего солнцестояния, — сказала Снорочка.

— Да, — грустно молвил Муми-тролль. — Мы и забыли, что сегодня праздник.

Муми-тролль и Снорочка затосковали, вспомнив о доме. Они встали и пошли дальше, вглубь леса.

Обычно, когда они ещё жили в Муми-долине, у Муми-папы к этому времени поспевало яблочное вино. На берегу моря разжигали костёр, и все малыши из долины и леса приходили на него любоваться. Вдоль берега и на островах горело много костров, но их костёр был самый большой. Когда огонь разгорался в полную силу, Муми-тролль заходил в тёплую воду, ложился в волнах и, качаясь, смотрел на пламя.

— Оно отражалось в море… — вспоминал Муми-тролль.

— Да, — сказала Снорочка. — А когда костёр догорал, мы собирали девять разных цветков и клали под подушку, чтобы сны сбывались. Но пока их собираешь, нельзя было говорить ни слова, и потом тоже.

— И что, твои сны сбывались? — спросил Муми-тролль.

— Конечно, — ответила Снорочка. — И это все-

гда было что-то приятное.

Еловый лес поредел и вдруг расступился. На поляне перед ними лежал тонкий ночной туман, как молоко в миске.

Муми-тролль и Снорочка испуганно остановились на краю поляны. Чуть поодаль виднелся маленький домик, труба его и столбики калитки были украшены гирляндами из листьев.

Где-то внутри тумана зазвонил колокольчик. Стало тихо — колокольчик зазвонил снова. Но из трубы домика не вился дым, и в окне не горел свет.

* * *

В то же самое утро на борту плавучего дома все очень грустили. Муми-мама отказалась завтракать. Она сидела в кресле-качалке и твердила:

— Бедные детки, мой бедненький муми-сыночек! Там, на дереве, так одиноко! И дороги домой не найти! А что будет ночью, когда заухают совы…

— Они заухают только в августе, — утешил её Хомса.

— Какая разница, — всхлипывала мама. — В лесу всегда кто-нибудь да ухает.

Муми-папа печально уставился на дыру в кры-

ше кладовки.

— Это я во всём виноват, — сказал он.

— Не говори так, — сказала Муми-мама. — Просто твоя трость была, наверное, совсем старая и трухлявая. Кто же мог знать, что она сломается? Наши дети найдутся! Точно найдутся, я уверена!

— Если их не съедят, — уточнила малышка Мю. — Их наверняка уже искусали муравьи, и они опухли и стали больше апельсинов!

— Иди-ка поиграй, если не хочешь остаться без десерта! — сказала дочь Мюмлы.

Миса облачилась в чёрное.

Сидя в углу, она горячо, от всего сердца плакала сама с собой.

— Ты так сильно по ним грустишь? — сочувственно спросил Хомса.

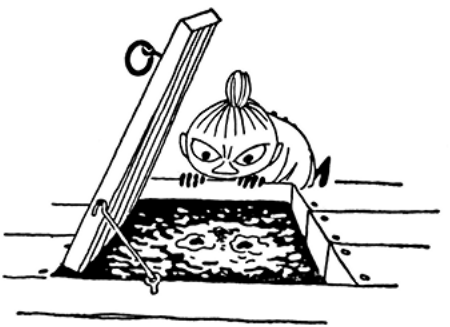
— Нет, только совсем чуть-чуть, — ответила Миса. — Но это такой чудесный повод поплакать обо всём остальном!

— А, понятно, — недоумённо проговорил Хомса.

Он пытался разобраться, как же произошло несчастье. Обследовал дыру в крыше кладовки и весь пол. Но всё, что он обнаружил, — это люк под ковром. А внизу плескалась и хлюпала чёрная вода. Хомса очень заинтересовался.

— Может, это мусоропровод? — предположил он. — Или плавательный бассейн? Если только в этот люк не сбрасывают врагов…

Но до его люка никому не было дела. Одна только малышка Мю легла на живот и уставилась в воду.



— Точно, это для врагов, — согласилась она. — Коварный люк, куда бросают злодеев, мелких и крупных!

Она пролежала так весь день, высматривая в воде злодеев, но, к сожалению, ни одного не увидела.

* * *

Хомсу потом никто и словом не упрекнул.

Это случилось прямо перед ужином.

Эмма целый день не показывалась и даже к ужину не вышла.

— Может быть, она приболела, — предположила Муми-мама.

— Как же! — отвечала дочь Мюмлы. — Она просто стащила столько сахара, что теперь, пока она его весь не съест, ей ничего другого не требуется!

— Милая, сходи проверь, не захворала ли она, — устало попросила Муми-мама.

Дочь Мюмлы подошла к углу, где жила Эмма, и спросила:

— Муми-мама спрашивает, не болит ли у вас, тётенька, живот от всего сахара, который вы спёрли?

Усы на морде у Эммы встали торчком.

Но она не успела ничего придумать в ответ, потому что в этот миг дом содрогнулся от мощного толчка и пол накренился.

Хомса полетел кувырком, подхваченный лавиной столового фарфора, а картины сорвались с потолка и погребли под собою гостиную.

— Мы сели на мель! — раздался глуховатый

голос Муми-папы из-под бархатных штор.

— Мю! — крикнула дочь Мюмлы. — Где моя сестра? Мю, отзовись!

Но отозваться малышка Мю никак не могла, даже если бы в кои-то веки захотела.

Потому что через отверстие в полу она скатилась прямо в чёрную воду.

Вдруг раздался жуткий клокочущий звук. Это смеялась Эмма.

— Ха! — торжествующе воскликнула она. — Досвистелись!

Глава шестая
О том, как отомстили сторожу в парке

Будь малышка Мю чуть побольше, она бы наверняка утонула. Но она легко, как пузырь, преодолела водовороты и вынырнула на поверхность, фыркая и отплёвываясь. Мю держалась на воде, как пробка. Течение подхватило её и быстро понесло вдаль.

— Класс, — сказала малышка Мю. — Вот сестра

удивится.

Мю огляделась. Рядом плыли блюдце с печеньем и корзинка с рукоделием Муми-мамы. После некоторых колебаний (на блюдце ещё оставалось немного печенья) она всё же выбрала корзинку и забралась внутрь.

Хорошенько обследовав содержимое корзинки, Мю искромсала в своё удовольствие несколько клубков, залезла в моток ангорской пряжи и заснула.

Корзинка плыла и плыла. Течение несло её вглубь длинной бухты, в которой застрял на мели дом с муми-семейством; потом она немного покачалась в зарослях тростника и наконец остановилась на илистом мелководье. Но Мю не проснулась. Она не проснулась даже тогда, когда в воздухе просвистела леска и за корзинку зацепился крючок для ловли окуней. Леска дёрнулась, натянулась, и корзинку начали осторожно вытаскивать.

Дорогой читатель, а теперь приготовься — тебя ждёт неожиданность. Случайности и совпадения — странные вещи. Не догадываясь о приключениях друг друга, Снусмумрик и муми-семейство в этот праздничный вечер оказались в одной и той же бухте. Да-да, на берегу, уставясь на корзинку с

рукоделием, стоял не кто иной, как Снусмумрик, в своём старом зелёном плаще.

TOVE

— Да пропади моя шляпа! Это же маленькая мюмла. — Он вытащил трубку изо рта, потрогал Мю кончиком вязального крючка и сказал: — Не бойся!

— Я даже муравьёв не боюсь! — ответила Мю и села.

Они посмотрели друг на друга.

Последний раз, когда они виделись, Мю была такая маленькая, что её и разглядеть-то было нельзя, поэтому неудивительно, что сейчас они друг друга не узнали.

— Так-так, малышка, — сказал Снусмумрик, почесав за ухом.

— Сам ты «так-как»! — ответила Мю.

Снусмумрик вздохнул. У него было важное дело, а потом, прежде чем возвращаться в Муми-долину, он надеялся ещё немного побыть в одиночестве. А тут какая-то мюмла-недотёпа бросила своего ребёнка в корзинке с нитками. Будто так и надо.

— Где твоя мама? — спросил он.

— Её съели, — пошутила малышка Мю. — Кстати, еда найдётся?

Снусмумрик указал трубкой на котелок с горохом, булькающий на костре. Рядом стоял другой котелок, с кофе.

— Но ты ведь, наверное, только молоко пьёшь? — предположил он.

Малышка Мю презрительно усмехнулась. Не моргнув глазом, она заглотнула две полные чайные ложки кофе и заела их как минимум четырьмя горошинами.

Снусмумрик залил угли водой и спросил:

— Ну, что теперь?

— Теперь я снова хочу спать, — сказала малышка Мю. — Лучше всего мне спится в карманах.

— Ясно, — сказал Снусмумрик и посадил её в карман. — Главное, что ты знаешь, чего хочешь.

Моток ангорской шерсти он разрешил ей взять с собой.

А сам побрёл дальше по прибрежным лугам.

Видно было, что, добравшись до конца бухты, большая волна уже подустала, поэтому лето здесь стояло нетронутым, в полной своей красе.

О недавнем извержении вулкана напоминали только облака пепла да красивые тёмно-красные закаты, которым так часто удивлялся Снусмумрик. Он и понятия не имел о том, что произошло с его друзьями в долине, и потому полагал, что они преспокойно сидят себе на веранде и празднуют летнее солнцестояние.

Иногда Снусмумрик думал о Муми-тролле и о

том, что друг, наверное, ждёт его.

Но сначала ему во что бы то ни стало нужно было сделать одно очень важное дело — а именно разобраться со сторожем в парке.

А это возможно только в ночь летнего солнцестояния.

Уже завтра он сможет идти, куда ему вздумается.

Снусмумрик достал губную гармошку и заиграл старую песенку Муми-тролля «Нацепим бантики на хвост».

Малышка Мю сразу проснулась и высунулась из кармана.

— Я знаю эту песню! — закричала она. И запела пронзительным комариным голоском:

Нацепим бантики на хвост, да, бантики на хвост,

Пускай корона хемуля сверкает ярче звёзд,

Пускай запляшет хомса, когда зайдёт луна,

И маленькая миса пусть не грустит одна,

Пусть алые тюльпаны у мумрика в саду

Плывут из ночи в утро, танцуя на ходу,

Пусть медленно над морем распустится восход,

А мюмла ищет шляпу — и может быть, найдёт[1].

— Где ты её слышала? — изумился Снусмумрик. — Надо же, почти ничего не перепутала. Ну и странное ты дитя!

— Ещё бы! К тому же у меня есть секрет.

— Секрет?

— Да, секрет. Про грозу, которая совсем не гроза, и про гостиную, которая крутится. Но я тебе ничего не скажу!

— У меня тоже есть секрет, — ответил Снусмумрик. — Он лежит у меня в рюкзаке. И ты его скоро увидишь. Когда я разберусь с одним злодеем!

— Большим или маленьким? — поинтересовалась малышка Мю.

— Маленьким, — сказал Снусмумрик.

— Это хорошо, — ответила малышка Мю. — С маленьким злодеем легче расправиться.

Довольная, она снова заползла в моток шерсти,

---

[1] Примечания: 1
Перевод Евгении Канищевой.

и Снусмумрик осторожно зашагал дальше вдоль длинного забора. Тут и там висели таблички, сообщавшие:

НАХОДИТЬСЯ
В ПАРКЕ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Сторож и сторожиха жили вместе — в парке, разумеется. Деревья — все обрезанные и подстриженные — были круглые и квадратные, а дорожки — прямые, как указки. Стоило какой-нибудь непослушной травинке пробиться из земли, её сразу срезали, и бедняжке приходилось начинать всё заново.

Вокруг газонов торчали высокие заборы, и повсюду висели таблички, большими чёрными буквами что-нибудь запрещавшие.

В этот кошмарный парк каждый день приходили двадцать четыре затюканных ребёнка, которые по какой-то причине были утеряны или забыты своими родителями. Эти мохнатые лесные зверёныши ни капельки не любили ни парк, ни песочницу, где их заставляли играть. Они хотели лазить, стоять на голове и бегать по траве…

Но ни сторож, ни сторожиха этого не понимали. Они сидели у песочницы, каждый со своей стороны, и стерегли детей.

Что было делать малышам? Они бы с радостью закопали сторожа и сторожиху в песок, но, увы, они были ещё слишком маленькие.

* * *

Именно сюда, в этот парк, пришёл Снусмумрик с малышкой Мю в кармане. Он бесшумно ходил вокруг забора, глядя на своего старого врага — сторожа.

— Ну и как ты с ним расправишься? — спросила малышка Мю. — Повесишь, сваришь или набьёшь из него чучело?

— Напугаю! — сказал Снусмумрик и покрепче закусил трубку. — Есть только одно существо на целом свете, которое я терпеть не могу, — это сторож. Я сорву все запретительные таблички в его парке!

Снусмумрик покопался в рюкзаке и достал большой мешок, доверху набитый мелкими и блестящими белыми семенами.

— Что это? — спросила малышка Мю.

— Семена хаттифнатов, — ответил Снусмумрик.

— Ого, — удивилась Мю. — Разве хаттифнаты вырастают из семян?

— Ну конечно, — сказал Снусмумрик. — Только

хитрость в том, что сеять их надо в канун летнего солнцестояния.

Снусмумрик стал осторожно закидывать семена на газон через прутья забора. Он обошёл всю ограду вокруг и посеял хаттифнатов везде, куда мог дотянуться (не слишком густо, чтобы хаттифнаты не сцепились ножками, когда взойдут). Когда мешок опустел, Снусмумрик сел на землю и принялся ждать.

Низкое солнце ещё грело, и хаттифнаты начали прорастать.

Тут и там на аккуратном причёсанном газоне проклёвывались маленькие белые шарики, похожие на шампиньоны.

— Смотри, — сказал Снусмумрик. — У этого вот-вот глаза появятся!

И действительно, на одном из шариков показались два круглых глаза.

— Новорождённые, они особенно электрические, — предупредил малышку Мю Снусмумрик. — А вот и лапки!

Хаттифнаты так бурно пошли в рост, что всё вокруг зашуршало. Сторож следил за детьми и ничего не замечал. Вокруг него на всех газонах сотнями всходили хаттифнаты. Теперь уже в земле оставались только ножки. Запахло палёной

резиной и серой. Сторожиха повела носом.

— Чем это пахнет? — сказала она. — Дети, кто испортил воздух?

По земле пробежал слабый электрический разряд.

Сторож занервничал, переступая с ноги на ногу. Пуговицы его форменного кителя заискрились.

Вдруг сторожиха вскрикнула и запрыгнула на скамейку. Дрожащим пальцем она указала на траву.

Хаттифнаты доросли до своего обычного размера и кишащей толпой со всех сторон двинулись к сторожу, влекомые его наэлектризованными пуговицами. В воздухе сверкали маленькие молнии, пуговицы искрились всё сильнее. Потом вдруг вспыхнули уши, потом волосы, нос, и вот уже весь сторож светится с головы до пят! Пламенея, как солнце, он запрыгал прочь, к воротам, преследуемый армией хаттифнатов.

TOVE

Сторожиха полезла через забор. Дети же так и сидели в песочнице, изумлённые происходящим.

— Красиво, — восхитилась малышка Мю.

— Вот так-то! — Снусмумрик горделиво поправил шляпу. — А теперь мы сорвём все таблички, и пусть каждая травинка растёт так, как ей нравится.

Всю свою жизнь Снусмумрик мечтал разделаться с объявлениями, которые запрещали всё то, что он любил, и теперь дрожал от предвкушения и восторга. Он начал с таблички «Не курить». Потом атаковал «На траве не сидеть», накинулся на «Смеяться и свистеть запрещается» и зашвырнул куда подальше «Не прыгать».

Дети в песочнице смотрели и изумлялись всё больше и больше.

Наконец они решили, что Снусмумрик пришёл их спасти. Они вылезли из песочницы и окружили его.

— Идите домой, детки, — сказал Снусмумрик. — Идите куда хотите!

Но дети никуда не пошли, они облепили его со всех сторон. Когда была выкорчевана последняя табличка и Снусмумрик взял рюкзак, чтобы уходить, дети пристроились за ним.

— Брысь, — сказал Снусмумрик. — Домой, к маме!

— Может, у них нет мамы, — заметила малышка Мю.

— Но я совсем не умею обращаться с детьми! — в ужасе воскликнул Снусмумрик. — Я даже не знаю, люблю ли я детей!

— Зато они тебя полюбили, — засмеялась малышка Мю.

Снусмумрик поглядел на восхищённую притихшую толпу у своих ног.

— Вообще-то мне и тебя хватало, — сказал он Мю. — Ладно. Пошли. Боюсь только, ни к чему хорошему это не приведёт.

И Снусмумрик зашагал дальше по лугам в сопровождении двадцати четырёх маленьких серьёзных детёнышей, мрачно думая, что же он будет делать, если они проголодаются, промочат ноги или если у них вдруг заболят животы.

Глава седьмая
Об опасностях, подстерегающих в ночь летнего солнцестояния

Праздничной ночью, в половине одиннадцатого, как раз когда Снусмумрик строил шалаш из еловых веток для своих двадцати четырёх детей, Муми-тролль и Снорочка стояли совсем в другой части леса и прислушивались.

Колокольчик, звонивший в тумане, умолк. Лес спал, и маленький домик печально смотрел на

них чёрными окнами.

В домике сидела филифьонка и слушала, как тикают часы и уходит время. Иногда она выглядывала в окно, в светлую ночь, и колокольчик на кончике её колпака звенел всякий раз, когда она вставала. Обычно этот звук её немного бодрил, но сегодня вечером лишь ещё больше нагонял тоску. Филифьонка вздыхала, ходила взад-вперёд, садилась и снова вставала.

На столе стояли тарелки, три стакана и букетик цветов, а на плите томилась запеканка, почерневшая от долгого ожидания.

Филифьонка взглянула на часы, на гирлянды, развешанные над дверью, на своё отражение в зеркале, села и заплакала, облокотившись о стол. Шапочка съехала на нос, колокольчик снова звякнул (издав один-единственный печальный «динь»), и слёзы медленно закапали в пустую тарелку.

Быть филифьонкой не всегда просто.

И вдруг в дверь постучали.

Филифьонка взлетела со стула, быстро высморкалась и открыла.

— О, — разочарованно вымолвила она.

— С днём летнего солнцестояния! — поздравила её Снорочка.

— Спасибо, — в смятении отвечала Филифьонка. — Большое спасибо, как мило с вашей стороны. И вам — весёлого праздника.

— Мы хотели просто узнать, не видали ли вы здесь дом — точнее, театр? — спросил Муми-тролль.

— Театр? — удивлённо переспросила Филифьонка. — Вовсе даже нет, ничего подобного.

Возникла небольшая пауза.

— Что ж, тогда мы, наверное, пойдём, — сказал Муми-тролль.

Снорочка посмотрела на накрытый стол и на гирлянды над дверью.

— Желаю хорошо повеселиться, — любезно сказала она.

От этих слов лицо Филифьонки сморщилось, и она снова заплакала.

— Никакого веселья не будет! — всхлипнула она. — Запеканка стынет, цветы вянут, часы тикают, а никто не идёт. Они и в этом году не придут! У них нет никаких родственных чувств!

— Кто не придёт? — спросил Муми-тролль.

— Ну как же, дядя и его жена! — выкрикнула Филифьонка. — Я каждый год посылаю им пригласительные открытки, а они так ни разу и не пришли.

— А вы попробуйте пригласить кого-нибудь ещё, — предложил Муми-тролль.

— У меня больше нет родственников, — объяснила Филифьонка. — А ведь приглашать родню на праздничный ужин — это наш долг, не так ли?

— То есть вам это не доставляет никакого удовольствия? — уточнила Снорочка.

— Нет, конечно, — устало проговорила Филифьонка и села за стол. — И дядя, и его жена мне вовсе не симпатичны.

Муми-тролль и Снорочка сели с ней рядом.

— Может, им это тоже не в радость? — предположила Снорочка. — Не хотите лучше пригласить на ужин нас? Мы очень даже симпатичные.

— Вы серьёзно? — удивилась Филифьонка.

Видно было, что она напряжённо думает.

Вдруг кончик её шапочки начал медленно подниматься, и колокольчик радостно зазвенел.

— А может, — медленно проговорила она, — совсем не обязательно приглашать их сюда, если это никому из нас не доставляет удовольствия?

— Ну конечно! — сказала Снорочка.

— И никто не обидится, если остаток своей жизни я буду веселиться с теми, с кем хочу? Даже если они мне не родственники?

— Никто-никто не обидится, уж поверьте! — заверил её Муми-тролль.

Филифьонка просияла.

— Неужели всё так просто? — сказала она. — О, какое счастье! Это будет первый в моей жизни по-настоящему весёлый праздник — так давайте же веселиться! Умоляю вас, пусть и в моей жизни случится что-нибудь увлекательное!

Но этот вечер выдался куда более увлекательным, чем могла себе представить Филифьонка.

* * *

— За папу и маму! — сказал Муми-тролль и осушил свой бокал.

(В эту самую минуту на борту театра Муми-папа, глядя в темноту, поднимал тост в честь своего сына. «За возвращение Муми-тролля, — торжественно провозгласил он. — За Снорочку и малышку Мю!»)

Все были сыты и довольны.

— А теперь мы разожжём костёр, — сказала Филифьонка.

Она потушила лампу и сунула в карман спички.

Небо на улице было ещё светлое, и на земле можно было разглядеть каждую травинку. За

верхушками елей, там, куда ненадолго зашло солнце, в ожидании следующего дня повисла красная полоска света.

Они прошли через притихший лес и вскоре оказались на прибрежных лугах, где ночной свет был ярче.

— Как странно сегодня пахнут цветы, — сказала Филифьонка.

Вдоль земли слабо тянуло палёной резиной. Трава искрилась и потрескивала от электричества.

— Пахнет хаттифнатами, — удивлённо сказал Муми-тролль. — Я думал, в это время года они плавают по морям…

Вдруг Снорочка обо что-то споткнулась.

— «Не прыгать», — прочла она. — Какая глупость! Смотрите, здесь полно табличек, которые никому больше не нужны.

— Как прекрасно! Значит, всё можно! — воскликнула Филифьонка. — Какая ночь! Давайте сожжём все эти таблички? Давайте сложим из них праздничный костёр и будем плясать вокруг, пока он не прогорит?!

* * *

Праздничный костёр горел. Пламя, рыча, накинулось на таблички «Не петь», «Не рвать цветы» и «На траве не сидеть»…

Оно весело трещало на больших чёрных буквах, и фонтаны искр взмывали в бледное ночное небо. Густые клубы дыма уплывали вдаль и повисали над лугами, как белые ковры. Филифьонка пела. Она приплясывала вокруг костра на своих тоненьких ножках, вороша веткой пламенеющие угли.

— В гости больше я не позову, — распевала она. — Ни родного дядю, ни его жену! Бимбели-бимбели-бу!

Муми-тролль и Снорочка сидели рядом и любовались огнём.

— Как ты думаешь, что сейчас делает мама? — спросил Муми-тролль.

— Празднует, конечно, — сказала Снорочка.

Таблички разом рухнули, в небо взлетел фейерверк искр, и Филифьонка издала ликующий вопль.

— Мне уже скоро спать захочется, — сказал Муми-тролль. — Сколько там цветков полагается сорвать? Девять?

— Девять, — ответила Снорочка. — И обещай, что не произнесёшь вслух ни слова.

Муми-тролль торжественно кивнул. Потом изобразил много разных жестов, означавших: «Спокойной ночи, до завтра», и удалился прочь по мокрой от росы траве.

— Я тоже буду собирать цветы, — сказала Филифьонка, выскочив из дыма чумазая и весёлая. — Я хочу участвовать во всех колдовских трюках! Ты какие-нибудь ещё знаешь?

— Я знаю одно очень жуткое колдовство, — прошептала Снорочка. — Такое, что даже сказать страшно.

— Сегодня ночью я ничего не боюсь! — воскликнула Филифьонка, и колокольчик её дерзко зазвенел.

Снорочка посмотрела по сторонам.

Tove

Потом наклонилась и прошептала в навострённое ухо Филифьонки:

— Сперва надо семь раз пройти по кругу, немного порычать и потопать ногами. Потом задом наперёд подкрасться к колодцу. И заглянуть внутрь. И тогда там, в воде, увидишь своего суженого!

— А как его достать? — спросила Филифьонка, потрясённая до глубины души.

— Да нет, ты увидишь только его *лик*, — пояснила Снорочка. — Его тень! Но сперва мы соберём девять цветков. Раз, два, три, и если ты промолвишь хоть одно слово, то никогда не выйдешь замуж!

Огонь медленно исчезал в углях, по лугам пробежал утренний ветер, а Снорочка и Филифьонка собирали свои таинственные букеты.

Иногда они переглядывались и смеялись, потому что смеяться не запрещалось.

И тут они увидели колодец.

Филифьонка махнула ушами.

Снорочка кивнула и побледнела.

Они сразу принялись рычать и, притопывая, ходить по кругу. Последний, седьмой круг они двигались совсем медленно, потому что под конец им стало не на шутку страшно. Но если

ты начал выполнять колдовской ритуал в ночь летнего солнцестояния, то надо довести дело до конца, а иначе может случиться всё, что угодно.

С колотящимся сердцем они задом наперёд подошли к колодцу и остановились.

Снорочка взяла Филифьонку за лапу.

Полоска солнца на востоке стала шире, дым от костра окрасился в розовый цвет.

Они быстро повернулись и посмотрели в воду.

Они увидели себя, край колодца и светлеющее небо.

Дрожа всем телом, они ждали. Ждали долго.

И вдруг — о нет, это слишком ужасно! — вдруг над их отражениями в воде появилась огромная голова.

Голова принадлежала хемулю!

Злому и уродливому хемулю в полицейской фуражке!

Нагнувшись, чтобы сорвать последний, девятый цветок, Муми-тролль услышал душераздирающий крик. Он подпрыгнул, мигом развернулся и увидел большого хемуля, который в одной лапе держал Снорочку, а в другой — Филифьонку и потрясал ими в воздухе.

— Я посажу вас в тюрьму! — кричал хемуль. — Поджигатели морровы! Что, скажете, не вы сорвали и сожгли все таблички? Не вы?

Но они, разумеется, ничего не могли сказать в своё оправдание, потому что дали обет не говорить ни слова.

Глава восьмая
О том, как писали пьесу

Ах, знала бы Муми-мама, проснувшись в тот праздничный день, что её сын угодил за решётку! Знала бы дочь Мюмлы, что её младшая сестра спит в шалаше Снусмумрика, свернувшись в мотке ангорской шерсти!

Ни Муми-мама, ни дочь Мюмлы ничегошеньки не знали, но надеялись на лучшее. Ведь они столько раз попадали в странные и запутанные

истории, которые никому из их знакомых даже не снились, однако всё всегда кончалось благополучно.

— Малышка Мю вполне может о себе позаботиться, — сказала дочь Мюмлы. — Я больше беспокоюсь за тех, кто ей встретится!

Муми-мама посмотрела на улицу. Шёл дождь.

«Лишь бы они не простудились», — подумала она и осторожно села в кровати.

Осторожность приходилось соблюдать во всём: после посадки на мель дом так накренился, что Муми-папа даже приколотил мебель к полу. Особенно неудобно было сидеть за столом: тарелки то и дело съезжали на пол, а когда их прибивали гвоздями — раскалывались. Все чувствовали себя альпинистами в бесконечном горном походе. По комнате перемещались боком, ступая одной лапой чуть выше, а другой чуть ниже. Муми-папа начал уже беспокоиться, как бы у всех одна лапа не стала длиннее другой. (Хотя Хомса считал, что если начать ходить в другую сторону, ноги вполне ещё могут выровняться.)

Эмма, как всегда, мела пол.

Толкая перед собой кучку мусора, она с трудом карабкалась вверх. На полпути мусор сползал вниз, и Эмме приходилось начинать всё сначала.

— Не проще ли мести в другую сторону? — спросила Муми-мама, искренне желая помочь.

— Будут тут всякие учить меня, как подметать, — сказала Эмма. — Я мету в эту сторону с тех пор, как вышла замуж за заведующего постановочной частью Филифьонка, и буду мести так,

пока не умру.

— Эмма, а где сейчас ваш супруг? — спросила Муми-мама.

— Он умер, — с достоинством ответила Эмма. — Ему на голову упал противопожарный занавес. Это стало концом для них обоих.

— О, бедная, бедная Эмма! — воскликнула Муми-мама.

Эмма поскребла в кармане и достала пожелтевшую фотокарточку.

— Вот так выглядел Филифьонк в молодости, — сказала она.

Муми-мама посмотрела на снимок. Заведующий постановочной частью Филифьонк сидел на фоне картины с пальмами. У него были большие усы. Рядом с ним стояла встревоженная девушка в маленькой шапочке.

— Какой видный мужчина, — сказала про Филифьонка Муми-мама. — А картину у него за спиной я узнаю́.

— Задник для «Клеопатры», — холодно ответила Эмма.

— Молодую даму зовут Клеопатра? — уточнила мама.

Эмма схватилась за голову.

— «Клеопатра» — это название пьесы, — устало объяснила она. — А молодая дама рядом с моим мужем — его лицемерная племянница Филифьонка. Каждый год она шлёт нам приглашения на праздник летнего солнцестояния, но я ей никогда не отвечаю. Думаю, она просто хочет, чтобы её взяли в театр.

— И что, вы их даже не открываете? — с укором спросила Муми-мама.

Эмма отставила метлу.

— Как же вы мне надоели, — вздохнула она. — Вы ничего не знаете о театре. Ровным счётом ничего. И говорить тут больше не о чем.

— А не могли бы вы, Эмма, немного рассказать мне о театре? — робко попросила Муми-мама.

После некоторых колебаний Эмма все же смилостивилась.

Она села рядом с Муми-мамой на край кровати и сказала:

— Театр — это вам не гостиная и не пароходная пристань. На свете нет ничего важнее театра, потому что здесь зрителям показывают, какими они могли бы быть, какими они мечтают стать, хотя им не хватает на это мужества, и каковы они на самом деле.

— Воспитательный дом?! — в ужасе ахнула Муми-мама.

Эмма терпеливо помотала головой. Она взяла клочок бумаги и дрожащей лапой нарисовала Муми-маме театр. Она объяснила, что где находится, и всё подписала, чтобы мама не забыла. (Картинку вы найдёте ниже.) Пока Эмма рисовала, пришли остальные и окружили их.

— Я расскажу вам, как мы играли «Клеопатру», — начала Эмма. — Зал набит битком, публика притихла, ибо это была премьера, то есть самый первый спектакль. На закате я, как всегда, зажгла огни рампы и, прежде чем поднять занавес, три раза постучала в пол. Вот так!

Театр: рисунок Эммы!
для Муми-мамы
занавес
луна
задник
тоже занавес
кулиса
прима-донна
декорация, изображающая куст
поворотный круг, который вращается (когда надо)
люк в полу, откуда, например, появляются привидения (когда надо)
рампа
суфлёрская будка, где сидит суфлёр и подсказывает слова (когда надо)

— Зачем? — спросила дочь Мюмлы.

— Ради эффекта, — сказала Эмма, и её глазки сверкнули. — Знамение судьбы, понимаете? Занавес ползёт вверх. Красный прожектор освещает Клеопатру — публика затаила дыхание…

— А Бутафор там тоже был? — спросил Хомса.

— Бутафор не играет в спектакле, — объяснила Эмма. — Бутафор заведует разными предметами, которые артисты используют на сцене. Примадонна была восхитительно хороша, мрачна…

— Примадонна? — переспросила Миса.

— Да, главная актриса. Та, которой всегда достаются самые лучшие, самые увлекательные роли и которую все всегда слушаются. Но упаси…

— Я хочу быть примадонной, — перебила её Миса. — Только, чур, я буду играть печальную роль. Такую, где надо рыдать и вскрикивать.

— Тогда тебе надо играть трагедию или драму, — сказала Эмма. — И умереть в конце.

— Да! — воскликнула Миса, и щёки её запылали. — Подумать только — стать кем-то совсем другим! Никто больше не скажет: «Вон идёт Миса». Они будут говорить: «Посмотрите на эту печальную даму в красном бархате… великую примадонну… она столько страдала».

— А ты не могла бы сыграть что-то для нас? —

спросил Хомса.

— Я? Сыграть для вас? — прошептала Миса, и на глаза её навернулись слёзы.

— Тогда я тоже хочу быть примадонной, — заявила дочь Мюмлы.

— И что вы будете играть? — недоверчиво спросила Эмма.

Муми-мама посмотрела на Муми-папу:

— Думаю, ты вполне мог бы написать для нас пьесу, если Эмма согласится немного помочь. Ты же писал мемуары — вряд ли писать стихи намного сложнее, правда?

— Я — пьесу? Ну нет, я не могу, — сказал Муми-папа и покраснел.

— Конечно можешь, дорогой, — сказала мама. — А мы выучим её наизусть, и все захотят посмотреть на нашу игру. Зрителей будет много, они будут приходить, приходить, а потом рассказывать своим знакомым, какое это было замечательное представление, и в конце концов Муми-тролль тоже прослышит о нас и вернётся домой. Все вернутся домой, и всё будет хорошо! — заключила Муми-мама и радостно захлопала в ладоши.

Они неуверенно посмотрели друг на друга.

Потом на Эмму.

Эмма развела лапами.

— Уверена, это будет фиаско и сущий ужас, — сказала она. — Но если вам так уж приспичило опозориться, то я готова дать несколько советов. Когда у меня будет время.

И Эмма продолжила рассказ о том, как играют в театре.

* * *

Вечером Муми-папа дописал пьесу и прочёл её остальным. Никто его не перебивал, и, когда он закончил, воцарилась полная тишина.

Наконец Эмма сказала:

— Нет. Нет, нет, нет. Нет и ещё раз нет!

— Что, так плохо? — пав духом, спросил папа.

— Хуже, — сказала Эмма. — Вы только послушайте:

Я льва не боюсь,

С маслом съем, не подавлюсь.

— Кошмар, — заключила она.

— Но я определённо хочу, чтобы в пьесе был лев, — обиженно проговорил папа.

— Надо писать гекзаметром! Гекзаметром! А не рифмами.

— Что это значит — гекзаметром? — спросил

папа.

— А вот что: там-тара-там-тарара-тара-тамтам-та-рара-ра-тата, — объяснила Эмма.

Муми-папа просиял.

— То есть так: лев мне не страшен ничуть, одной левой его я повергну? — спросил он.

— Уже лучше, — сказала Эмма. — Перепишите всё гекзаметром. И не забудьте, что в настоящей трагедии все должны быть родственниками.

— Но почему они так злятся друг на друга, если они родственники? — осторожно спросила Муми-мама. — К тому же там нет ни одной принцессы. И грустный конец. Пусть конец будет счастливый. Это так печально, когда кто-то умирает.

— Дорогая, это трагедия, — сказал Муми-папа. — А значит, в конце кто-то обязательно должен умереть. Лучше, чтобы из всех героев выжил один, но ещё лучше, чтобы он тоже умер. Так сказала Эмма.

— Чур, я умру в конце, — сказала Миса.

— А можно я буду тем, кто её убьёт? — попросила Мюмлина дочь.

— Я думал, Муми-папа напишет детектив, — разочарованно сказал Хомса. — Где все герои под подозрением, а на каждом шагу загадочные улики, которые так и ждут, чтобы их разгадали.

Муми-папа встал, оскорблённый, и собрал свои бумаги.

— Не нравится моя пьеса — сами пишите, — заявил он.

— Дорогой, — сказала Муми-мама. — Нам очень нравится твоя пьеса. Она чудесная. Правда же?

— Конечно, — ответили все.

— Вот видишь, — сказала мама. — Все просто в восторге. Нужно только немного изменить слог и сюжет. Я буду следить, чтобы тебе не мешали, а ты можешь забрать себе всю вазочку с карамельками!

— Ладно, — поддался на уговоры папа. — Но льва я не вычеркну!

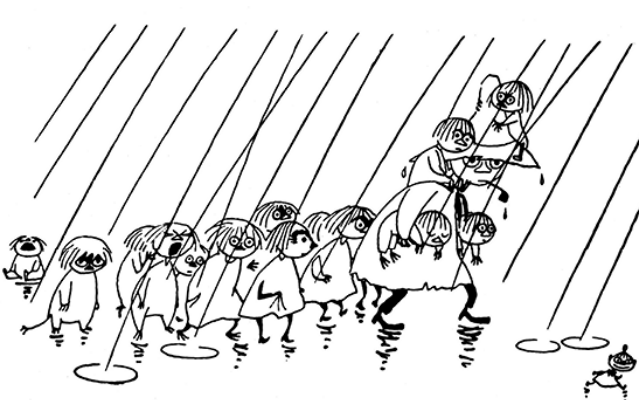
— Разумеется, льва ни в коем случае нельзя вычёркивать, — согласилась мама.

Муми-папа работал в поте лица. Никто не разговаривал и не шевелился. Исписав лист, папа зачитывал его вслух. Муми-мама то и дело подкладывала в вазочку карамельки. Все были взбудоражены и полны радостных надежд.

Ночью они долго не могли уснуть.

Эмма чувствовала, как её дряхлые ноги снова наливаются силой. Она не могла думать ни о чём, кроме генеральной репетиции.

Глава девятая
О несчастном отце



В тот день, когда Муми-папа начал сочинять пьесу, а Муми-тролль попал за решётку, Снусмумрик проснулся оттого, что в его еловый шалаш капала вода. Осторожно, чтобы не разбудить спящих малышей, он выглянул на улицу, в мокрый от дождя лес.

Он увидел красивые зелёные папоротники на ковре из нежной звездчатки, но с горечью подумал, что лучше бы тут росла репа.

«Наверное, так вот и бывает, когда становишься отцом, — подумал он. — Чем я их сегодня накормлю? Малышке Мю и двух фасолин хватит, а эти сожрут все мои припасы вместе с рюкзаком!»

Он обернулся и поглядел на лесных малышей, спавших во мху.

— Теперь из-за дождя у них ещё и насморк начнётся, — мрачно проговорил он себе под нос. — Но это не самое страшное. Хуже, что я совсем не знаю, чем их развлечь. Курить они не хотят. Мои истории их пугают. А целый день стоять на голове я не могу — так мне и к концу лета не добраться до Муми-долины. О, как будет приятно сдать их всех Муми-маме!

«Муми-тролль, — с внезапной нежностью подумал Снусмумрик. — Мы будем снова плавать по лунной дорожке, а потом сидеть в гроте и болтать…»

Тут одному из малышей приснилось что-то страшное, и он закричал. Остальные проснулись и закричали из солидарности.

— Ну-ну-ну, — попытался утешить их Снусмумрик. — Хоппети-хопп! Титтери-ти!

Но это не помогло.

— По-моему, им не смешно, — объяснила малышка Мю. — Сделай лучше, как моя сестра:

скажи, что если они не замолчат, ты их прибьёшь. А потом попроси прощения и угости карамельками.

— И что, помогает?

— Не-а, — сказала малышка Мю.

Снусмумрик разобрал шалаш и зашвырнул ветки в можжевеловый куст.

— Вот так поступают с домом, когда он больше не нужен, — сказал он.

Под моросящим дождём лесные малыши сразу притихли и насупились.

— Дождь идёт, — сказал один.

— Я хочу есть, — сказал другой.

Снусмумрик беспомощно посмотрел на малышку Мю.

— Припугни их Моррой, — предложила она. — Так обычно делает моя сестра.

— И ты её тогда слушаешься? — спросил Снусмумрик.

— Нет, конечно! — сказала малышка Мю и покатилась по траве от хохота.

Снусмумрик вздохнул.

— Ну, пошли! — позвал он малышей. — Вставайте, вставайте! Пошли скорей, я вам кое-что покажу!

— Что? — спросили дети.

— Кое-что… — неопределённо ответил Снусмумрик и помахал в воздухе рукой.

— Так ты долго не протянешь, — сказала малышка Мю.

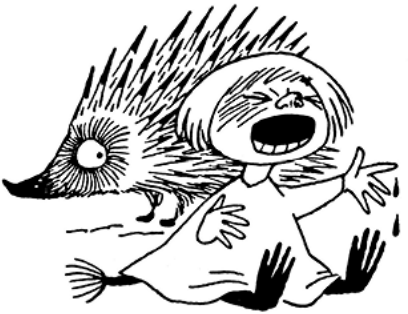
* * *

Они шли и шли.

И дождь тоже всё шёл и шёл.

Лесные малыши чихали, теряли ботинки и спрашивали, почему им не дают бутерброды. Некоторые поругались друг с дружкой и начали драться. Один напихал в рот еловых иголок, а другой укололся о ежа.

Снусмумрик уже готов был посочувствовать сторожихе из парка. Он усадил одного ребёнка на шляпу, двоих — на плечи, а ещё двоих зажал под мышками. И побрёл с этой ношей по черничным зарослям, спотыкаясь на каждом шагу, мокрый и несчастный.



Когда идти стало совсем невмоготу, перед ними открылась полянка. Посреди неё стоял домик с гирляндами из увядших листьев вокруг трубы и калитки. На подкашивающихся ногах Снусмумрик доковылял до двери и постучал.

Но ему никто не открыл.

Он заколотил ещё. Тишина. Тогда он распахнул дверь и вошёл. Дома никого не было. Цветы на столе завяли, часы остановились. Снусмумрик спустил детей на пол и подошёл к холодной плите. На плите стояла запеканка. Он двинулся дальше, к кладовке. Дети молча следили за ним взглядом.

Некоторое время было тихо. Потом Снусмумрик

вернулся и водрузил на стол целый бочонок красной фасоли.

— Вот вам фасоль, ешьте, пока не треснете, — сказал он. — Мы тут ненадолго остановимся, а я тем временем выучу, как вас зовут. Ну-ка зажгите мне трубку!

Малыши кинулись ему на подмогу.

И вот уже в очаге горел огонь, а над ним сохли платьица и штанишки. На столе стояла огромная миска дымящейся фасоли, а за окном с беспросветного серого неба лил дождь.

Они слушали, как капли семенят по крыше и как трещат в очаге дрова.

— Ну, как вы? — спросил Снусмумрик. — Никто не хочет поиграть в песочнице?

Лесные малыши поглядели на него и засмеялись. А потом накинулись на фасоль из запасов Филифьонки.

Но Филифьонка не знала о том, что в её домик пришли гости, потому что сидела в тюрьме за возмутительное поведение.

Глава десятая
О генеральных репетициях

В театре шла генеральная репетиция Муми-папиной пьесы, на сцене горели все лампы, хотя до вечера было ещё далеко.

За бесплатные билеты на премьеру бобры немного сдвинули театр с мели, но он всё ещё слегка кренился, что было не очень-то удобно.

Сцену скрывал занавес, красный и загадочный, а перед ним покачивалась на волнах целая флотилия любопытных лодочек. Зрители ждали начала представления с самого восхода солнца

и даже захватили с собой обед, потому что генеральные репетиции — это всегда надолго.

— Мама, а что такое генеральная репетиция? — спросил маленький ёжик из бедной семьи, сидевший в одной из лодок.

— Это когда пьесу повторяют в самый последний раз, чтобы убедиться, что всё идёт как задумано, — объяснила его мама. — Завтра покажут настоящее представление за деньги, а сегодня бедные ежи вроде нас могут смотреть бесплатно.

Однако те, кто стоял по ту сторону занавеса, были отнюдь не уверены, что всё идёт как задумано. Муми-папа переписывал пьесу.

Миса плакала.

— Мы же договорились, что обе умрём в конце! — говорила дочь Мюмлы. — Почему лев съедает её одну? Мы же решили: «Растерзанны*е* львом». Ты что, забыл?

— Хорошо, хорошо, — нервно пробормотал Муми-папа. — Лев растерзает тебя, а потом Мису. А теперь не мешай, я пытаюсь думать гекзаметром!

— А как же родственные связи? — забеспокоилась Муми-мама. — Вчера дочь Мюмлы была женой моего блудного сына. А теперь, что ли,

Миса будет его женой, а я — её мамой? А дочь Мюмлы — незамужней девицей?

— Я не хочу быть незамужней девицей, — тут же вставила дочь Мюмлы.

— Пусть будут сёстрами! — воскликнул Муми-папа в отчаянии. — То есть дочь Мюмлы будет женой твоего сына. То есть моего. То есть твоей тётушкой.

— Это невозможно, — возразил Хомса. — Если Муми-мама — твоя жена, то жена твоего сына

никак не может быть её тётушкой.

— Всё это совершенно не важно, — отрезал Муми-папа. — Потому что никакого представления не будет!

— Успокойся, — с неожиданным сочувствием сказала Эмма. — Всё образуется. К тому же публика всё равно ничего не поймёт.

— Эмма, дорогая, — умоляюще обратилась к ней Муми-мама. — Это платье слишком тесное… оно постоянно расстёгивается на спине.

— Запомни, — процедила Эмма, зажав в зубах

английские булавки, — когда выходишь на сцену и говоришь, что твой сын враньём отравил свою душу, главное — не улыбаться!

— Хорошо-хорошо! Обещаю, я постараюсь быть грустной, — сказала Муми-мама.

Миса повторяла слова. Вдруг она отбросила листок в сторону и закричала:

— Эта роль слишком легкомысленная! Она мне вообще не подходит!

— Тихо, Миса! — строго сказала Эмма. — Мы начинаем. Осветители готовы?

Хомса включил жёлтую лампу.

— Красную, красную! — завопила Мюмлина дочь. — Мой выход на красную! Почему он всё время включает не тот свет?

— В театре так всегда, — спокойно сказала Эмма. — Вы готовы?

— Я забыл свою роль, — в ужасе пробормотал Муми-папа. — Я не могу вспомнить ни строчки!

Эмма похлопала его по плечу.

— Это нормально, — сказала она. — У нас же генеральная репетиция.

Она три раза стукнула об пол, и публика в лодках притихла. Чувствуя, как задрожало от счастья её дряхлое тело, Эмма подняла занавес.

Немногочисленные зрители восхищённо за-

шептались. Большинство из них были в театре впервые.

Они увидели суровый пейзаж со скалами в красном свете.

Чуть правее зеркального трюмо (задрапированного чёрным покрывалом) сидела дочь Мюмлы в юбке из тюля. Волосы её были собраны в пучок, украшенный бумажными цветами.

С любопытством оглядев зрителей под рампой, она быстро и без всякого смущения начала:

Ночью умру я, невинна, назло равнодушному небу.

Кровью море нальётся, земля под пеплом исчезнет.

Роза, едва распустившись, покрытая утра росою,

Роком неумолимым жестоко растоптана будет.

Вдруг из-за кулис пронзительно запричитала Эмма:

Роковая ночь, роковая ночь, роковая ночь!

Из левой кулисы вышел Муми-папа в мантии, небрежно накинутой на плечо, повернулся к

публике и дрожащим голосом продекламировал:

Дружбу и узы родства принесу я долгу в угоду,

Ах, неужели корону отнимет сестра сына дочери милой?

Заметив, что сказал что-то не то, Муми-папа поправился:

…Ах, неужели корону отнимет тётка сына сестры дорогой?

Муми-мама осторожно выглянула из-за кулис и прошептала:

— Неужели корону отнимет сестра жены сына!

— Да, да, да, — сказал папа. — Пропустим это.

Он шагнул к дочери Мюмлы, которая пряталась за зеркальным трюмо, и продолжил:

Вздрогни, неверная мюмла, внемли, как хищник голодный

Мечется в клетке и грозным рыком луну устрашает!

Повисла долгая пауза.

— *…рыком луну устрашает!* — повторил папа громче.

Ничего не происходило.

Он повернулся влево и спросил:

— Почему не рычит лев?

— Я не могу рычать, пока Хомса не поднял луну, — сказала Эмма.

Из-за кулис выглянул Хомса.

— Миса обещала сделать луну и не сделала, — сказал он.

— Ладно, ладно, — быстро проговорил Муми-папа. — Пусть уже вступает Миса, потому что я всё равно вышел из образа.

Миса медленно выплыла на сцену в платье красного бархата. Она долго стояла неподвижно, прикрыв лапой глаза и прислушиваясь к себе: каково это, быть примадонной. Это было прекрасно.

— Счастье… — шёпотом подсказала Муми-мама, решив, что Миса забыла слова.

— Я держу драматическую паузу! — прошипела Миса. Слегка пошатываясь, она подошла к рампе и простёрла лапы к публике.

Что-то щёлкнуло — в осветительской Хомса включил ветродуй.

— Это что, пылесос? — спросил маленький ёжик.

— Тихо! — шикнула мама-ежиха.

Миса заупокойным голосом провозгласила:

Счастье увидеть однажды череп твой размозжённый…

Потом решительно шагнула вперёд, запуталась в бархате и, перекувырнувшись через рампу, свалилась в лодку к ежам.

Зрители встретили её криками «Ура!» и вернули на место.

— Не дрейфь, фрёкен, — сказал престарелый бобёр. — Руби ей голову, и дело с концом!

— Кому? — растерялась Миса.

— Тёте дочери твоего сына, разумеется, — подбодрил её бобёр.

— Они всё не так поняли, — прошептал Муми-папа Муми-маме. — Прошу тебя, выходи поскорее на сцену!

Муми-мама быстро подобрала юбки и предстала перед публикой — с добродушным и слегка застенчивым видом.

— Спрячь же свой лик, о судьба, ибо чёрные вести несу я! — радостно объявила она. — Сын твой предательством цели достиг и враньём отравил свою душу!

— Роковая ночь, роковая ночь, роковая ночь! — причитала Эмма.

Муми-папа с волнением смотрел на Муми-маму.

— Ведите льва, — подсказала она шёпотом.

— Ведите льва, — повторил папа. — Ведите льва, — неуверенно сказал он ещё раз, а потом закричал: — Льва сюда, быстро!

Из-за сцены послышался страшный топот. И наконец появился лев.

Внутри сидели бобры — один управлял передними лапами льва, а другой задними. Публика заголосила от восторга.

Лев помедлил немного, а потом подошёл к рам-

пе, поклонился и разломился на две части.

Зрители захлопали и стали разъезжаться по домам.

— Это не конец! — закричал Муми-папа.

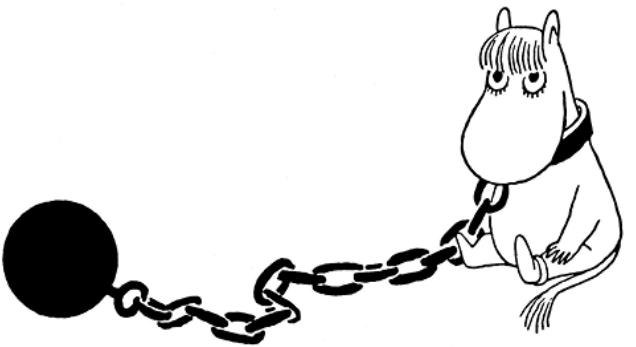
— Дорогой, они вернутся завтра, — сказала Муми-мама. — Эмма говорит, что премьера не будет успешной, если на генеральной репетиции всё прошло гладко.

— О, да? Вот как? — обрадовался папа. — Во всяком случае, они несколько раз смеялись! — довольно добавил он.

А Миса отошла в сторонку, чтобы успокоить своё колотящееся сердце.

— Они мне хлопали! — прошептала она. — О, как я счастлива! Я всегда, всегда буду вот так же счастлива...

Глава одиннадцатая
О том, как обманули надзирателя



На следующее утро разослали вести о представлении. Над бухтой летали самые разные птицы и раскидывали афиши. Яркие, красивые плакаты (нарисованные Хомсой и дочерью Мюмлы), кружась, опускались на лес, на берег и луга, на воду, на крыши домов и сады.

Одна афиша слетела на тюремный двор и упала

прямо перед Хемулем, который дремал на солнце, надвинув полицейскую фуражку на нос.

Он сразу почуял, что это секретное послание арестантам, и с замиранием сердца поднял бумажку.

Сейчас в тюрьме сидели целых три узника — Хемуль не видывал столько заключённых с тех самых пор, как выучился на надзирателя. Вот уже почти два года он никого не охранял и поэтому, разумеется, очень дорожил своими подопечными.

Итак, Хемуль надел очки и стал читать вслух то, что было написано на программке.

— Премьера!!! — прочёл он.

РАСТЕРЗАННЫЕ ЛЬВОМ,
или СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Трагедия в одном действии, написанная Муми-папой.

в ролях:

Муми-мама, Муми-папа, дочь Мюмлы, Миса и Хомса.

хор: Эмма.

входная плата:

Любая еда.

Начало сегодня вечером на закате солнца, если не будет дождя или ветра, окончание — когда детям пора ложиться спать. Спектакль состоится посреди Еловой бухты. Лодки можно взять напрокат у хемулей.

Администрация театра

— Театр? — задумчиво проговорил Хемуль и снял очки.

Где-то глубоко в его очерствевшем сердце слабым огоньком затеплилось воспоминание из детства. Да-да, точно, как-то раз тётушка брала его в театр. Там было что-то про принцессу, которая уснула в кустах роз. Это было так красиво! Хемулю очень понравилось.

Он вдруг понял, что хочет снова попасть в театр.

Но кто будет караулить узников в его отсутствие? Все знакомые хемули заняты. Бедный надзиратель думал, думал… Потом прижал нос к клетке, которая стояла в тени у него за спиной, и сказал:

— Мне бы так хотелось пойти сегодня вечером в театр.

— В театр! — откликнулся Муми-тролль, на-

вострив уши.

— Да, на «Растерзанных львом», — пояснил Хемуль и сунул в клетку афишу. — Только кто же тогда будет вас охранять?

Муми-тролль и Снорочка взглянули на афишу. Потом друг на друга.

— Там наверняка покажут про принцесс, — грустным голосом сказал Хемуль. — Мне бы так хотелось увидеть маленькую принцессу!

— По-моему, ты обязательно должен пойти посмотреть на неё, — сказала Снорочка. — У тебя ведь есть какие-нибудь милые родственники, которые могли бы за нами приглядеть?

— Да, есть кузина, — ответил Хемуль. — Но она *слишком* добрая. Она запросто может вас выпустить.

— А когда нас казнят? — неожиданно спросила Филифьонка.

— Ну что вы, казнить вас никто не собирается, — смущённо ответил Хемуль. — Посидите в клетке, пока не сознаетесь. А потом сделаете новые таблички взамен испорченных и напишете «запрещается» по пять тысяч раз каждый.

— Но мы невиновны, — начала Филифьонка.

— Да-да-да, — перебил её Хемуль. — Знаем, знаем. Все вы так говорите.

— Послушай, — сказал Муми-тролль. — Ты ведь потом всю жизнь будешь жалеть, что не пошёл в этот театр. Там наверняка будут принцессы. «Растерзанные львом», как тут написано.

Хемуль пожал плечами и вздохнул.

— Не глупи, — уговаривала его Снорочка. — Тащи сюда свою кузину, а там посмотрим. Всё же добрый надзиратель лучше, чем никакой!

— Ну ладно, — печально отозвался Хемуль.

Он встал и пошёл прочь через кусты.

— Видали? — воскликнул Муми-тролль. — Помнишь, что́ нам приснилось в ночь летнего солнцестояния? Про льва! Большого льва, которого малышка Мю укусила за ногу! Что же затевается у нас дома?!

— А мне приснилось, что у меня появилась куча новых родственников, — рассказала Филифьонка. — Я бы этого не вынесла! Ведь я только что отделалась от старых!

Между тем Хемуль вернулся.

Он привёл с собой перепуганную, невероятно крошечную и тощую хемулиху.

— Как тебе думается, могла бы ты посторожить за меня этих троих? — спросил он её.

— А они кусаются? — прошептала крошечная хемулиха, которая, судя по всему, как хемуль

совершенно не состоялась.

Хемуль хмыкнул и протянул ей ключи от клетки.

— А то, — ответил он. — Выпустишь — перекусят напополам. Кникс-кнакс, и готово. Ну, я пошёл переодеваться. Всем привет.

Как только он исчез, крошечная хемулиха сразу принялась вязать крючком, испуганно поглядывая на клетку.

— Скажите, пожалуйста, а что вы вяжете? — вежливо спросила Снорочка.

Хемулиха вздрогнула.

— Я не знаю, — боязливо прошептала она. — Просто вязание меня как-то успокаивает.

— А что, если вам связать тёплые подследники? Цвет пряжи как раз подходящий, — предложила Снорочка.

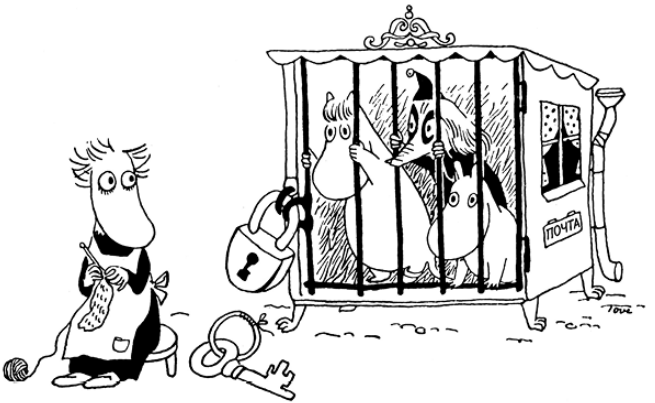
Крошечная Хемулиха взглянула на своё вязанье и задумалась.

— Может, у вас есть знакомые, у которых мёрзнут ноги? — спросила Филифьонка.

— Да, есть — одна подруга, — сказала хемулиха.

— Я тоже кое-кого знаю, — светски продолжила Филифьонка. — Жена моего дяди, она в театре работает. Там у них, говорят, жуткие сквозняки. Работать в театре — сущий кошмар!

— Здесь тоже сквозит, — заметил Муми-тролль.



— Это мой кузен виноват — не продумал, — робко сказала хемулиха. — Но если вы немного подождёте, я свяжу вам всем по паре тёплых подследников.

— Думаю, мы умрём раньше, чем они будут готовы, — мрачно отозвался Муми-тролль.

Крошечная хемулиха встревожилась и осторожно подошла поближе.

— Хотите, я накрою клетку пледом? — спросила она.

Узники пожали плечами и, дрожа, потеснее придвинулись друг к другу.

— Вам правда так нездоровится? — ужаснулась хемулиха.

Снорочка зашлась кашлем.

— Возможно, кружка чая со смородиновым соком могла бы меня спасти. Но кто его знает, — ответила она.

Хемулиха долго колебалась. Прижав вязанье к лицу, она глядела на вверенных ей заключённых.

— Если вы умрёте… — дрожащим голосом проговорила она. — Если вы умрёте, кого же будет сторожить мой кузен? Он, наверное, огорчится?

— Ещё как, — сказала Филифьонка.

— А ведь мне всё равно надо снять с вас мерки, правда?

Они горячо закивали.

И тогда крошечная хемулиха открыла клетку и смущённо сказала:

— Позвольте угостить вас чашечкой горячего чая? Со смородиновым соком. А подследники вы получите, как только они будут готовы. Так мило с вашей стороны было предложить мне вязать

подследники! Это придаёт вязанию гораздо больше смысла, если вы понимаете, о чём я.

И они все вместе отправились домой к хемулихе пить чай. Хемулиха, хотя они и пытались отговорить её, напекла гору печенья, и на это

ушло столько времени, что, когда Снорочка поднялась из-за стола, давно уже наступили сумерки.

— Ну всё, нам пора, — сказала она. — Большое спасибо за чай.

— Так печально, что придётся снова посадить вас в тюрьму, — извиняясь, сказала хемулиха и сняла с гвоздика ключ от клетки.

— Но мы не собираемся садиться в тюрьму, — возразил Муми-тролль. — Мы хотим вернуться домой, в театр.

У крошечной хемулихи на глаза навернулись слёзы.

— Мой кузен очень расстроится, — сказала она.

— Но мы ни в чём не виноваты! — воскликнула Филифьонка.

— Ах, так бы сразу и сказали! — облегчённо вздохнула хемулиха. — В таком случае, конечно, идите. Но, наверное, будет лучше, если я пойду с вами и сама всё объясню кузену.

Глава двенадцатая
О драматичной премьере

Пока крошечная хемулиха поила гостей чаем, на лес продолжали сыпаться театральные афиши. Одна из них покружилась над полянкой и опустилась на крышу дома, приклеившись к свежему дёгтю.

Двадцать четыре малыша немедленно забрались наверх. Каждый хотел лично доставить афишу Снусмумрику, а поскольку бумага была совсем тонкая, то афиша тут же превратилась в двадцать четыре маленькие афишки (а несколь-

ко и вовсе упали в трубу и сгорели).

— Тебе письмо! — кричали лесные малыши, съезжая, скатываясь и спрыгивая с крыши.

— Ах вы, морровы безобразники! — рассердился Снусмумрик. Он стоял возле дома на улице и стирал их носочки. — Мы же только утром просмолили крышу! Хотите, чтобы я вас бросил, прибил или утопился в море?

— Ни то, ни другое, ни третье! — закричали дети, дёргая его за плащ. — Читай письмо!

— *Письма*, вы хотите сказать. — Снусмумрик вытер мыльную пену с рук о волосы одного из детей. — Так-так. Что же, интересно, это было за письмо?

Он разложил смятые клочки на траве и попытался восстановить то, что осталось от афиши.

— Читай вслух! — закричали дети.

— «Трагедия в одном действии», — прочёл Снусмумрик. — «Растерзанные львом, или»… Здесь, похоже, не хватает кусочка. «Входная плата: любая еда»… Ой-ой… «Сегодня вечером на зака»… на закате, видимо… «Если не будет дождя или ветра»… ага, тут всё ясно… «…ание ког… …тям» — а тут ничего не ясно. «Посреди Еловой бухты».

— Так, — заключил Снусмумрик и поднял глаза. — Это, дорогие мои спиногрызы, никакое не

письмо, это театральная афиша. Судя по всему, в Еловой бухте сегодня дают представление. Почему это происходит на воде, известно лишь покровителю всех маленьких зверюшек. Вероятно, по сюжету зачем-то понадобились волны.

— А детей туда пускают? — спросил самый маленький ребёнок.

— А лев настоящий? — закричали остальные. — Пойдёмте скорее!

Снусмумрик поглядел на них и понял, что обязан сводить их в театр.

«Попробую расплатиться за вход фасолью, — озабоченно подумал он. — Если хватит — всё-таки мы уже много съели… Только бы никто не подумал, что все двадцать четыре — мои… Это будет неловко. И чем я буду кормить их завтра?!»

— Ты что, не рад, что мы пойдём в театр? — спросил самый маленький ребёнок и потёрся мордочкой о его штанину.

— Очень рад, шёлковый носик, — сказал Снусмумрик. — Но для начала мы попробуем вас отмыть. Хотя бы немного. Носовые платки у вас есть? Как-никак на трагедию идём.

Платков у малышей не было.

— Ладно, — сказал Снусмумрик. — Придётся вам сморкаться в нижние юбки. Или что у вас

там есть.

* * *

Солнце уже почти добралось до горизонта, когда Снусмумрик наконец оттёр все штанишки и платьица. Конечно, много дёгтя ещё осталось, но было видно, что Снусмумрик старался.

В приподнятом и торжественном настроении они двинулись в Еловую бухту.

Снусмумрик шёл первым с бочонком фасоли в руках, следом за ним парами шагали лесные малыши, все аккуратно расчёсанные на прямой пробор от бровей до хвостов.

Малышка Мю восседала у Снусмумрика на шляпе и пела. Она завернулась в прихватку, потому что к вечеру могло похолодать.

На берегу царило предпремьерное волнение. В бухте было полным-полно лодок, и все подгребали к театру.

На плоту под рампой, лучившейся светом, играл народный оркестр хемулей.

Был тихий и приятный вечер.

За две пригоршни фасоли Снусмумрик взял напрокат лодку и поплыл к театру.

— Мумрик! — сказал старший ребёнок, когда они преодолели полпути.

— Что? — отозвался Снусмумрик.

— У нас для тебя подарок, — сказал ребёнок и сильно покраснел.

Снусмумрик положил вёсла на борт и вынул трубку изо рта.

Старший ребёнок достал из-за спины какой-то мятый предмет неопределённого цвета и протянул Снусмумрику.

— Это кисет для табака, — смущённо пробормотал он. — Мы все вместе его вышивали тайком от тебя!

Снусмумрик взял подарок и заглянул внутрь (это был один из старых колпачков Филифьонки). Потом понюхал содержимое.

— Это малиновые листья, чтобы курить по воскресеньям! — гордо выпалил младший ребёнок.

— Прекрасный кисет, — одобрил Снусмумрик. — И воскресный табак мне тоже очень пригодится.

Он пожал всем лапки и поблагодарил.

— Я не вышивала, — откликнулась малышка Мю со шляпы. — Но идея была моя!

Лодка подплыла к рампе, и Мю удивлённо наморщила нос.

— А что, все театры одинаковые? — спросила она.

— Думаю, да, — сказал Снусмумрик. — Перед началом спектакля эти занавески уберут, а вы, пожалуйста, сидите тихо-тихо. И не свалитесь в воду, если произойдёт что-то страшное. А когда всё закончится, хлопайте в ладоши, чтобы показать, что вам понравилось.

Лесные малыши притихли, глядя перед собой.

Снусмумрик украдкой посмотрел по сторонам, но над ними никто не смеялся. Все взгляды были устремлены на освещённый занавес. Только пожилой хемуль подплыл к ним и сказал:

— Пожалуйста, заплатите за вход.

Снусмумрик показал ему бочонок.

— Это за всех? — спросил Хемуль и начал счи-

тать детей.

— А что, мало? — забеспокоился Снусмумрик.

— Получи́те сдачу, — ответил Хемуль и отсыпал назад полный черпак фасоли. — Всё по-честному.

Оркестр смолк, все зааплодировали.

Воцарилась полная тишина.

Вдруг из-за занавеса раздались три громких удара в пол.

— Мне страшно, — прошептал самый маленький малыш и вцепился Снусмумрику в рукав.

— Держись за меня, и всё будет хорошо, — успокоил его Снусмумрик. — Видишь, занавес поднимается.

Взорам безмолвных зрителей предстал скалистый пейзаж.

Справа сидела дочь Мюмлы в бумажных цветах и тюле.

Малышка Мю свесилась с полей шляпы:

— Сварите меня заживо, если это не моя старушка-сестра! — сказала она.

— Дочь Мюмлы — твоя родственница? — удивился Снусмумрик.

— Я же тебе все уши о ней прожужжала, — устало ответила малышка Мю. — Ты что, меня вообще не слушал?

Снусмумрик уставился на сцену. Трубка его погасла. Он видел, как из левой кулисы вышел Муми-папа и стал читать что-то странное про льва и про многочисленных родственников.

Вдруг малышка Мю спрыгнула Снусмумрику на колени.

— Почему Муми-папа сердится на мою сестру?! Пусть немедленно прекратит её ругать!

— Тише, тише, это же просто пьеса такая, — рассеянно ответил Снусмумрик.

Появилась невысокая полная дама в красном бархате, которая объясняла, что ужасно счастлива, но почему-то с таким видом, будто у неё что-то болит.

Незнакомый ему голос где-то за сценой то и дело выкрикивал: «Роковая ночь!»

Снусмумрик удивился ещё сильнее, увидев на сцене Муми-маму.

«Что это на них нашло? — подумал он. — Их семейство всегда было не без причуд, но это! Так, глядишь, и Муми-тролль выйдет на сцену и начнёт что-нибудь декламировать».

Но Муми-тролль на сцену не вышел. Зато вышел лев и зарычал.

Лесные малыши завопили и чуть не перевернули лодку.

— Всё это очень глупо, — сказал хемуль в полицейской фуражке, сидевший в соседней лодке. — И ни капельки не похоже на тот прекрасный спектакль, который я видел в юности. О принцессе, уснувшей в кустах роз. Что всё это значит?

— Ну-ну-ну, — успокаивал Снусмумрик своих перепуганных детей. — Лев ненастоящий — он сделан из старого покрывала!

Но дети ему не поверили. Они своими глазами видели, как лев носится по сцене, пытаясь схватить дочь Мюмлы. Малышка Мю визжала.

— Спасите мою сестру! — голосила она. — Убейте льва!

И вдруг, совершив отчаянный прыжок, приземлилась на сцене и укусила льва за заднюю лапу своими маленькими острыми зубками.

Лев взвыл и распался надвое.

Зрители увидели, как дочь Мюмлы взяла малышку Мю на руки, а та поцеловала её в нос. Актёры вдруг заговорили нормальными словами, а не гекзаметром. И никто не возражал, потому что наконец-то стало понятно, о чём пьеса.

А пьеса была о том, как кого-то унесла огромная волна, как этот кто-то пережил страшные ужасы, а потом снова вернулся домой. В результате все были довольны и собрались варить кофе.

— Теперь они играют намного лучше, — сказал хемуль в полицейской фуражке.

Снусмумрик пересаживал на сцену детей.

— Привет, Муми-мама! — радостно крикнул он. — Можно подкинуть тебе этих малышей?

Спектакль становился всё увлекательнее и увлекательнее. Постепенно на сцену залезли все зрители и приняли участие в действии, поедая входную плату, разложенную на обеденном столе. Муми-мама скинула неудобные юбки и носилась взад-вперёд с кофейными чашками.

Оркестр заиграл «Пришествие хемулей».

Муми-папа сиял, довольный оглушительным успехом пьесы, а Миса была так же счастлива, как на генеральной репетиции.

Вдруг Муми-мама замерла прямо посреди сцены и выронила чашку.

— Он здесь, — прошептала она.

Всё вокруг стихло.

Кто-то плыл на лодке, до них всё отчётливее доносились осторожные всплески вёсел. В темноте звенел маленький колокольчик.

— Мама! — раздался чей-то голос. — Папа! Я вернулся!

— Это ещё что такое, — сказал Хемуль. — Мои узники! Хватайте их, пока они не спалили театр!

Муми-мама бросилась к рампе. Она видела, как Муми-тролль, разворачивая лодку, уронил весло

в воду. В замешательстве он попытался грести одним веслом, но лодка только беспомощно закружилась на месте. На корме сидела маленькая худенькая хемулиха приятной внешности и что-то кричала, но её никто не слушал.

— Бегите! — крикнула Муми-мама. — Здесь полиция!

Она не знала, что натворил её Муми-тролль, но была совершенно уверена, что ей бы это понравилось.

— Держите моих узников! — орал Хемуль. — Они сожгли все таблички в парке, а сторож из-за них теперь светится!

Поначалу зрители немного удивились, но скоро поняли, что спектакль продолжается. Они отставили свои чашки и сели на рампу.

— Ловите их! — злобно вопил Хемуль.

Публика аплодировала.

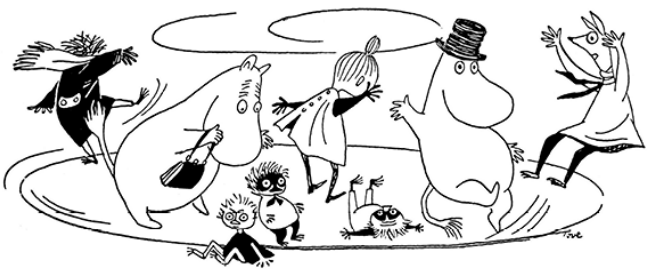
— Минуточку, — спокойно сказал Снусмумрик. — Тут какое-то недоразумение. Это ведь я сорвал таблички в парке. И неужели сторож до сих пор светится?

Хемуль обернулся и впился взглядом в Снусмумрика.

— Зато подумайте, какая экономия, — как ни в чём не бывало рассуждал Снусмумрик, пробира-

ясь поближе к рампе. — Никаких тебе счетов за электричество! Можно и трубку о себя зажечь, и яйца на голове сварить…

Хемуль не говорил ни слова. Медленно приближаясь, он широко развёл лапы, чтобы схватить Снусмумрика. Он подходил всё ближе и ближе и уже приготовился к прыжку, как вдруг… сцена с бешеной скоростью завращалась. Раздался хохот Эммы — на этот раз не презрительный, а весёлый и торжествующий.



Всё происходило так быстро, что зрители уже с

трудом понимали, что к чему. Потеряв равновесие, все попадали друг на друга, сцена кружилась, а двадцать четыре лесных малыша накинулись на Хемуля и вцепились зубами в его китель.

Словно тигр, Снусмумрик метнулся через рампу и плюхнулся в одну из пустых лодок. Поднялись волны, лодка Муми-тролля перевернулась, и Снорочка, Филифьонка и крошечная хемулиха упали в воду и поплыли к театру.

— Браво! Браво! Да-капо![2] — кричали зрители.

---

[2] Примечания: 2
Ещё раз! *(Примеч. автора.)*

Едва высунув нос из воды, Муми-тролль развернулся и поплыл к лодке Снусмумрика.

— Привет! — сказал он, схватившись за борт. — Как же я рад тебя видеть.

— Привет! — ответил Снусмумрик. — Залезай скорей, я научу тебя убегать от полиции!

Муми-тролль перевалился через борт, и Снусмумрик быстро-быстро погрёб прочь, так что вода забурлила у носа.

— Прощайте, мои детишки, и спасибо за помощь! — крикнул он. — Будьте чистыми и опрятными и не лазайте по крышам, пока не просох дёготь!

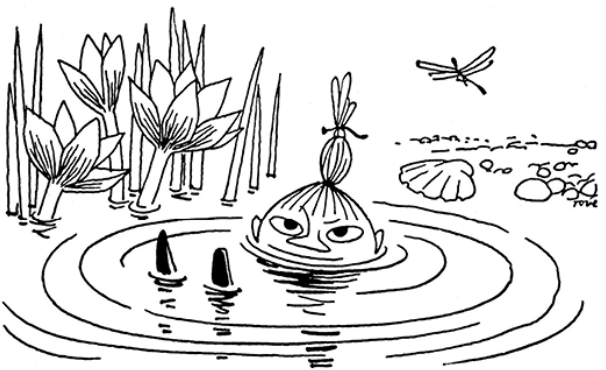
Хемуль наконец соскочил со сцены, стряхнул с себя лесных малышей и ликующих зрителей, которые забрасывали его цветами, сел в лодку и, бранясь, припустил за Снусмумриком.

Но было поздно: Снусмумрик уже исчез в ночи.

Наступила странная тишина.

— Ага, ты тоже тут, — спокойно сказала Эмма, глядя на мокрую Филифьонку. — Только не воображай, пожалуйста, что театр — это танец на лепестках роз!

Глава тринадцатая
О наказании и вознаграждении



Снусмумрик долго грёб молча. Муми-тролль любовался привычным контуром его старой шляпы на фоне ночного неба и облачками дыма от его трубки, которые медленно поднимались вверх в неподвижном воздухе.

«Теперь всё будет хорошо», — думал он.

Крики и аплодисменты стихали, и вот уже бы-

ло слышно только, как касаются воды тяжёлые вёсла.

Берег превратился в тёмную полоску.

Говорить никому из них не хотелось. Не сейчас. У них впереди много времени; целое длинное лето и всё, что оно сулит. Сейчас им было вполне достаточно того, что с ними произошло: бурная встреча, ночь, лихорадка побега. Болтовня бы только испортила всё это. Описав дугу, они снова поплыли к берегу.

Муми-тролль понял, что Снусмумрик хочет запутать преследователей. Далеко в темноте надрывался свисток Хемуля, ему вторили другие свистки.

Когда лодка скользнула в камыши под деревьями, на небо вышла полная луна.

— А теперь слушай меня внимательно, — сказал Снусмумрик.

— Ага, — ответил Муми-тролль и почувствовал, как мимо, рассекая воздух крыльями, промчался дух приключений.

— Иди назад, к остальным, — сказал Снусмумрик. — Собери всех, кто хочет вернуться в Муми-долину, и приходите сюда. Мебель брать не нужно. Поторопитесь, пока хемули не выставили в театре охрану. Уж я-то их знаю. Не мешкайте и

ничего не бойтесь. Июньские ночи не опасны.

— Хорошо, — согласился Муми-тролль.

Он немного подождал, но Снусмумрик больше ничего не добавил, и Муми-тролль вылез из лодки и пошёл по берегу назад, к театру.

Снусмумрик сел на корму и осторожно вытряхнул пепел из трубки. Наклонившись, он взглянул на залив из-под веток. Лодка Хемуля удалялась. Чёткий силуэт темнел на лунной дорожке.

Снусмумрик усмехнулся и стал набивать трубку.

Вода наконец начала отступать. Свежевымытые берега и овраги снова выползали на свет. Первыми из-под воды высунулись деревья. Они покачивали сонными макушками, потягивались и шевелили ветками — проверяли, всё ли цело

после катастрофы. В тех местах, где ветки поломались, уже спешили пробиться новые побеги. Птицы нашли свои старые постели и раскладывали на просушку наволочки и простыни на склонах холмов — там, где вода уже ушла.

Все спешили домой. Шли кто как мог — на вёслах, под парусом, день и ночь без остановки, а когда вода исчезла совсем, пешком добирались до покинутых жилищ.

Пока долина была морем, им, возможно, и попадались новые, более живописные места, но старые всё равно были лучше.

Сидя на корме рядом с сыном, сжимая в руках сумку, Муми-мама совсем не переживала о гостином гарнитуре, который ей пришлось оставить в театре у Эммы. Она думала о своём саде и гадала, сумело ли море разровнять дорожки так же аккуратно, как это делала она сама.

Муми-мама уже узнавала окрестный пейзаж. Они приближались к ущелью в Одиноких горах, и мама знала, что за следующим поворотом увидит скалу, охраняющую вход в их долину.

— Домой, домой, мы едем домой! — распевала малышка Мю, сидя на коленях у сестры.

Снорочка устроилась на носу и рассматривала подводный ландшафт. Лодка скользила над

лугом, и временами по днищу мягко шаркали цветы. Жёлтые, красные и синие, они смотрели вверх, сквозь толщу воды, вытягивая шеи к солнцу.

Муми-папа грёб длинными ровными гребками.

— Как думаете, веранда ещё под водой? — спросил он.

— Нам бы только добраться до дома, — сказал Снусмумрик. Он оглянулся через плечо: нет ли погони.

— Дорогой мой, — сказал Муми-папа. — Хемули давным-давно отстали!

— Это ещё неизвестно, — ответил Снусмумрик.

Посередине лодки лежал купальный халат, который время от времени странно шевелился. Муми-тролль осторожно прикоснулся к нему с той стороны, где предположительно была голова.

— Не хотите выйти на солнце? — спросил он.

— Нет, спасибо, здесь так замечательно, — ответил из-под халата мягкий голосок.

— Бедняжка, там же совершенно нечем дышать, — забеспокоилась Муми-мама. — Она сидит так уже три дня!

— Маленькие хемули ужасно боязливы, — шё-

потом объяснил Муми-тролль. — Я думаю, она вяжет. Так ей спокойнее.

Но крошечная хемулиха вовсе не вязала. Она старательно выводила что-то в тетрадке в чёрной клеёнчатой обложке. «Запрещается, — писала она. — Запрещается, запрещается, запрещается». Пять тысяч раз. Она исписывала страницу за страницей и получала от этого огромное удовольствие.

— Как всё-таки приятно быть доброй, — прошептала она.

Муми-мама сжала лапу Муми-тролля.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— Я думаю о детях Снусмумрика, — отвечал Муми-тролль. — Как тебе кажется, они правда все станут актёрами?

— Некоторые — да. А менее одарённых усыновит Филифьонка. Видишь ли, она никак не может без родственников.

— Они будут скучать по Снусмумрику, — грустно сказал Муми-тролль.

— Поначалу — конечно, — согласилась мама. — Но он будет навещать их каждую весну и присылать им письма на дни рождения. И фотографии.

Муми-тролль кивнул:

— Это хорошо. А Хомса и Миса… Ты видела, как обрадовалась Миса, когда ей разрешили остаться в театре?

Муми-мама рассмеялась:

— Да, Миса счастлива. Она будет всю свою жизнь играть трагедии и примерять на себя новые роли. А Хомса станет заведующим постановочной частью и будет так же счастлив, как она. Правда же здорово, когда твои друзья могут заниматься тем, что им нравится?

— Да, — сказал Муми-тролль. — Это очень здорово.

Вдруг лодка остановилась.

— Мы застряли в траве, — сказал Муми-папа, свесившись через борт. — Дальше придётся идти вброд.

Все вылезли из лодки и пошли по воде.

Крошечная хемулиха спрятала под платье какой-то предмет, которым она, очевидно, очень дорожила, но никто не задавал ей никаких вопросов.

Идти было трудно, вода доставала им до пояса. Но дно было приятное — мягкая трава и никаких камней. Иногда дорога шла в гору, и над поверхностью, как райские острова, плавали цветущие кочки.

Снусмумрик шёл последним. Он молчал больше обычного, то и дело оглядываясь и прислушиваясь.

— Спорим, они отстали? Если нет — я сожру твою старую шляпу! — сказала дочь Мюмлы.

Но Снусмумрик лишь покачал головой.

Горы подступали всё ближе. В узком просвете между скалами замаячила нежная зелень Му-

ми-долины. Вот крыша, а вот весело трепещет на ветру флаг…

Вот излучина реки и синий мостик. Жасмин уже вовсю цветёт! Они шли — так быстро, что вода вокруг них бурлила, и возбуждённо обсуждали, сколько всего они сделают, когда вернутся домой.

Вдруг раздался свист — такой пронзительный, как будто воздух вспороли ножом.

Откуда ни возьмись в ущелье появились хемули. Они были повсюду — впереди, сзади, везде.

Снорочка прижалась щекой к плечу Муми-тролля. Все молчали. Это было так ужасно — почти добраться до дома и угодить в лапы полиции.

Хемуль встал перед Снусмумриком.

— Ну-с? — сказал он.

Никто не ответил.

— Ну-с? — повторил Хемуль.

И тогда к нему быстро-быстро, как могла, подошла крошечная хемулиха, сделала книксен и протянула чёрную тетрадку в клеёнчатой обложке.

— Снусмумрик раскаивается и просит прощения, — смущённо сказала она.

— Я вовсе не… — начал было Снусмумрик.

Хемуль взглядом заставил его замолчать, от-

крыл тетрадку и начал считать. Он считал долго. Пока он считал, вода опустилась до самых щиколоток. Наконец он сказал:

— Всё верно. Здесь написано «запрещается» пять тысяч раз.

— Но… — сказал Снусмумрик.

— Пожалуйста, ничего не говорите, — попросила крошечная хемулиха. — Я получила огромное удовольствие. Огромное!

— А таблички?! — вспомнил её кузен.

— Нельзя ли вместо этого установить несколько табличек на моём огороде? — спросила Мумимама. — Например: «Дорогие букашки, очень просим оставить нам немного салата»?

— Пожалуй, можно… почему бы и нет, — растерянно проговорил Хемуль. — Что ж, придётся мне вас отпустить. Только больше так никогда не делайте!

— Не будем, — послушно ответили все.

— Ну а ты, я надеюсь, вернёшься домой? — строго поглядев на кузину, спросил Хемуль.

— Да, если ты на меня не сердишься, — отвечала она.

А потом повернулась к остальным и сказала:

— Большое спасибо за отличную идею с вязанием. Вы получите подследники, как только они

будут готовы. На какой адрес их прислать?

— Укажите просто: Муми-долина, — сказал Муми-папа.

* * *

Последний отрезок пути они бежали. Через ручей, сквозь заросли сирени, скорее к крыльцу. Здесь они остановились и, вздохнув наконец облегчённо и счастливо, постояли немного, пытаясь прочувствовать, каково это — снова оказаться дома. Всё было как прежде.

Красивые резные перила на веранде не пострадали. Подсолнух был на месте. Бочка для дождевой воды тоже. А гамак очень удачно полинял и наконец приобрёл приятный цвет. В последней крошечной лужице — в самый раз для купания малышки Мю — отражалось небо.

Казалось, ничего и не было и никакие опасности им больше никогда не грозят.

Правда, садовые дорожки были сплошь усыпаны ракушками, а у крыльца лежал венок из красных водорослей.

Муми-мама посмотрела на окно гостиной.

— Дорогая, пока не входи, — сказал Муми-папа. — А если войдёшь, то закрой глаза. Я сделаю новый гостиный гарнитур, точьв-точь как ста-

рый. С кисточками, красным плюшем и всем остальным.

— Зачем мне закрывать глаза? — весело сказала мама. — Единственное, чего мне будет не хватать, это вращающейся сцены. И знаешь, я тут подумала, почему бы нам не выбрать какой-нибудь другой плюш, скажем, в цветочек!

Вечером Муми-тролль пошёл к палатке Снусмумрика пожелать ему спокойной ночи.

Снусмумрик сидел у реки и курил.

— Ну что, теперь у тебя всё есть? — спросил его Муми-тролль.

Снусмумрик кивнул.

— Теперь всё, — сказал он.

Муми-тролль принюхался.

— Ты куришь новый табак? — спросил он. — Немного напоминает малину. Что, хороший сорт?

— Нет, — ответил Снусмумрик. — Я курю его только по воскресеньям.

— Точно, сегодня же воскресенье, — удивился Муми-тролль. — Ну ладно, пока, я пошёл спать!

— Пока! — попрощался Снусмумрик.

Муми-тролль двинулся дальше, к тёмному озерцу за гамаком. Он поглядел в воду. Украшения были на месте.

Он немного пошарил в траве.

Кораблик нашёлся не сразу. Он зацепился штагом за листок, но ничуть не пострадал. Даже маленькая крышка люка, ведущего в трюм, была на месте.

Муми-тролль пошёл назад к дому. Вечер был прохладный, мягкий, мокрые цветы благоухали сильнее, чем обычно.

На крыльце его ждала мама.

Она что-то держала в руках и выглядела очень довольной.

— Угадай, что это! — сказала она.

— Шлюпка! — воскликнул Муми-тролль и засмеялся. Не потому, что его что-то рассмешило. А просто от счастья.

